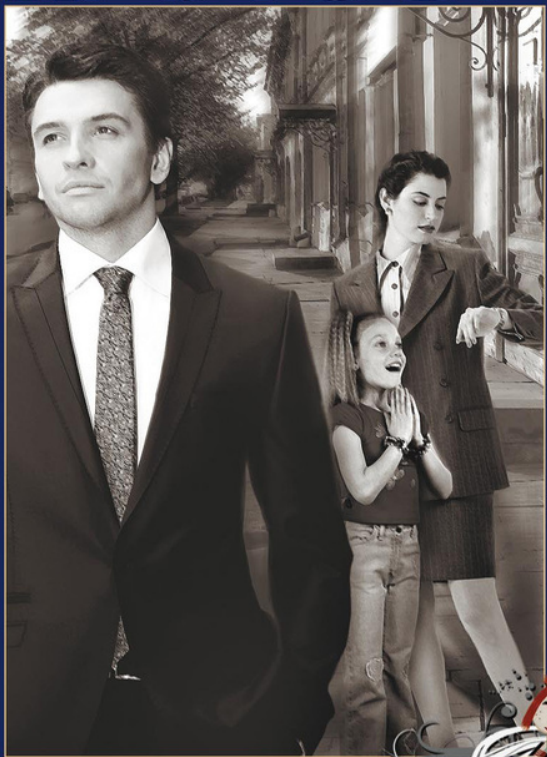

ЕЛЕНА ЧАЛОВА

*Рыцарь для дамы
с ребенком*

Елена Чалова

Рыцарь для дамы с ребенком

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3947075
Рыцарь для дамы с ребенком: роман: ЗАО Издательство
Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03648-3*

Аннотация

Неужели такое бывает? Обеспеченный и привлекательный дантист с квартирой и машиной не может найти себе пару? Современные женщины разочаровывали Марка. Одних интересует только секс, других – деньги. Были еще и третьи – жесткие, нацеленные на карьеру, но для того, чтобы стать достойной спутницей жизни, у подобного рода женщин чересчур сильный характер... Между прочим, соседка его тетушки, симпатичная блондинка с серыми глазами, была как раз из таких. Светлана работала юрисконсультантом и всем своим видом демонстрировала, что может гвозди перекусывать зубами. На почве зубов они и познакомились. Постепенно Марк оказался вовлечен в жизнь молодой матери и ее маленькой дочки. И Марку открылась старая как мир истина: сильные женщины тоже иногда хотят быть слабыми...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	43
Глава 4	68
Глава 5	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Елена Чалова

Рыцарь для дамы с ребенком

Глава 1

Марк пребывал в тоске. Душа рвалась куда-то и требовала общения. Но где найти человека, который выслушает и поймет? Внутренний монолог – удел многих великих; и сейчас Марк плакался самому умному и понимающему собеседнику – себе самому.

Вы когда-нибудь задумывались о горькой и, не побоюсь этого слова, безрадостной судьбе стоматолога? Наверняка нет, если вы не принадлежите к узкому кругу этих людей, а Марк считал, что круг этот смело можно назвать избранным, ибо стоматологов и уважают и боятся – это ли не признаки незаурядности? Как там в священной книге: много званых, но мало избранных. А еще он где-то читал, что удел неординарной личности – одиночество... Значит, я неординарная личность. Звучит неплохо, вот только раздражает, что слово «личность» – женского рода. Убрать из контекста. Я – неординарный... тип. Как-то почти уголовно. Кто же я? Часть той силы, что вечно хочет зла... Ох нет, это кто-то другой. А мой

удел – милосердие и избавление человечества от страданий. Короче, я молодец. А вот кто облегчит мои страдания? Душевные... а подчас и телесные, потому что, когда хочется, а некого, это, знаете, нелегко! О чем это я? Ах да, о личном. О любви. О том, как просто все вначале и как непросто потом. Вот тебе улыбается милая девушка, вот вы в общей компании, знакомитесь, болтаете. У вас нет никаких задних мыслей, вы предвкушаете вечер с приятной беседой, танцами – а там... что загадывать, там будет видно. И вдруг она спрашивает:

– А кем вы работаете?

Вы, все так же дружелюбно улыбаясь, отвечаете:

– Да я, видите ли, стоматолог.

И все – красавица вдруг шарахается от вас, как испуганная лань, или начинает улыбаться не разжимая губ, и ее реплики становятся все более односложными с явной тенденцией свернуть разговор. Это ужасно глупо – но большинство даже вполне взрослых девиц ведут себя именно так. Марк никогда не мог понять, почему так происходит. Он прекрасно знает, как мало в нашем мире людей с идеальными зубами, а тем более в нашей части этого мира, где медицина дорогая и не всегда качественная, а экология и гигиенические традиции и того хуже. Да, он прекрасно это знает и не гонится за совершенством. Кроме того, было бы желание – многое можно поправить, скидочку сделать, в конце концов. То есть мало на свете непоправимых ситуаций, а потому очень

обидно, когда дантиста воспринимают как... ну, не знаю, как монстра или некую угрозу. Но сегодня это опять случилось. В который раз.

Да и девица-то была так себе. Ноги коротковаты... Грудь, правда, выдающаяся — далеко вперед. Уложена эта самая грудь была в обтягивающую маечку розового цвета, ну, вот если воздушный шарик натянуть на тело, на часть тела... мда... Короче, Марку срочно надо было развеяться. Как-то все последнее время плохо идет: личная жизнь обломалась в очередной раз, работа замучила, начальство рычало и плевалось ядом, соседи, враги человечества, затеяли ремонт. Поэтому, когда позвонил Мишка и сказал, что их одноклассница, заделавшаяся дизайнером, зовет на выставку, он пошел не раздумывая. Хотя, согласитесь, какого дьявола стоматологу делать на выставке, посвященной дизайну интерьеров? Но на тот момент Марку было все равно. Мишка поддерживает отношения чуть ли не со всеми ребятами из класса, такой уж он общительный. А с Нинкой, которая дизайнер, он, похоже, дружит особенно тесно. Особенно в те периоды, когда она не замужем. Сейчас у нее как раз такое время. Так вот, выяснилось, что их ждут на этой самой выставке. Как Марк потом допер, нужны они были в качестве статистов. Впрочем, он не видел ничего дурного в том, чтобы быть статистом на такого рода мероприятия. Многим из этих незаметных людей повезло, и они стали свидетелями и очевидцами исторических событий. Так что, кто знает...

Прибыли молодые люди на выставку часа в четыре. Нельзя сказать, что наблюдался ажиотаж, но народ фланировал. Каждый закуток или стенд, или как там это называется, был оформлен в виде комнаты: гостиная, спальня, будуар. Некоторое время Марк разглядывал музыкальный салон в стиле... как же это? То ли барокко, то ли рококо. Короче, много золота, рамы картин с богатой резьбой, стены затянуты шелком, затканным пышными букетами. За белым роялем сидела девушка в платье из такого же точно шелка и в белом напудренном парике и играла на рояле. В другом месте была спальня, но для графа Дракулы: сплошь черный бархат, сталь и приглушенный свет. Они с Мишкой брели по залам, разыскивая Нинкин закуток, и разглядывали творения других мастеров. «Черт его знает, вероятно, я отсталый, – думал Марк, – но ни одному из них я бы в жизни не доверил свою квартиру. Хотя, может, это они здесь так выпендриваются, а на обычной жилплощади могут создать нечто приспособленное для жизни?» Но для себя он решил: «Если когда-нибудь свяжусь с дизайнером, то деньги заплачу только после того, как он мне нарисует картинку, которая мне понравится, и поклянется – в смысле даст расписку, что все будет именно так, как нарисовано».

Наконец они дошли до светлой цели. Нинель решила сыграть на ностальгии: комната выглядела как типичная гостиная в советские времена: невысокая полированная стенка, там какие-то хрустальные фужеры – опрокинутые конусы на

длинных ножках. У Марка дома такие точно были. И горочка тоже. Пара кресел, диван – все в том же стиле. Торшер в углу. Проигрыватель на ножках – он на таком в детстве слушал пластинки со сказками. Сентиментальные воспоминания нахлынули охотно: самая любимая сказка была «Три поросенка». Там волк так здорово рычал. И пластинки тут же лежали стопочкой. Марк осторожно пересмотрел потертые конверты. Так и знал: сказок не оказалось. Но зато широко представлены мастера советской эстрады: Лещенко, Ротару, Пугачева, «Песняры», «Самоцветы». Надо же, где только откопала. Он спросил, можно ли поставить. Нина кивнула не поворачиваясь; она охмуряла какого-то типа: лысого, в камуфляжных штанах, сетчатой майке и темных очках. Жуть. Марк осторожно пристроил на место черный дырявый кружок, опустил иглу, и голос молодого Лещенко запел:

«Соловей российский, славный птах...»

Очень трогательно. Потом Мишка приволок из какого-то загашника ящик неплохого грузинского вина и пакеты с орешками. Гостиная постепенно наполнялась народом. В этом, видимо, и состоял гениальный замысел. Интерьер с болтающими и веселящимися гостями смотрелся весьма живенько. Люди подходили, интересуясь происходящей тусовкой и вином. Поднос с бокалами был быстро убран, и появились одноразовые стаканчики: требования нашего спидушного времени. Это, само собой, несколько портило общую картину, о чем Марк и заявил Мишке. Тот, похоже, обидел-

ся и, сердито поглядев на приятеля, прошипел:

– Молчи уж. Я помню, как ты портвейн пил из мыльницы в женском общежитии... Эстет.

Это просто подло. У каждого из нас бывали в жизни моменты... Теперь пришла очередь Марка надуться. Он отвернулся и принялся рассматривать гостей. Народ, близкий к искусству, выглядел странно и, похоже, немало этим гордился. Какие-то немыслимые шарфы, веера, жеманные мужчины и мужеподобные женщины. Впрочем, здесь же присутствовали и другие типажи: женщины в строгих деловых костюмах, с такими лицами, на которых буквально написано, что они всему в этой жизни знают цену, и мужчины с незамутненными думами о прекрасном взором. Эти люди делали деньги на суете и шумихе происходящего культурного хеппинга.

Потом в гостиную впорхнули два пупсенка. Одна была именно та – с грудью, затянутой в воздушный шарик, черных брючках и на здоровенных шпильках. Волосы рыжие – почти как у тети Раи, дай ей Бог здоровья. Тетушка их регулярно красит хной и укладывает в такую халу. Здесь обошлось без халы – и на том спасибо. Подружка тоже ничего, но, на вкус Марка, больно худа, да и ростом на две головы выше его. Бедняжка. Так что он прямым ходом подвалил к пупсику с рыжими кудряшками, всунул ей стаканчик с вином и хамским голосом спросил, в качестве кого она подвизается на выставке: модели или мастера.

Пупсик окинула молодого человека задумчивым взглядом. При этом челюсти ее продолжали мерно двигаться, пережевывая какой-нибудь «дирол», «орбит» или еще что-то. Надо полагать, осмотром она осталась довольна, потому что решительно повернулась к избушке, то есть к подружке, спиной, а к Марку, соответственно, грудью. Выяснилось, что пупсик учится в какой-то академии дизайнерского мастерства, где преподает Нинель. Вот так поворот, она еще и педагог! Ну, это успеется обсосать позже. Пока же у надежды российской стоматологии была вполне конкретная цель: завалить телку. И он к ней – к цели – продвигался скорым шагом. Пупсик явно была не против. Они пили вино, злословили о присутствующих и между делом прощупывали почву: «Мы сюда ехали через такие пробки...» – «А вы на машине? О, это хорошо...» – «А вы на каком, говорите, курсе? И замуж за будущего Версаче не успели выйти? Ну и чудненько!» Идиллия продолжалась до того момента, пока она не спросила, чем столь многообещающий кандидат в хахали зарабатывает на жизнь. Услышав ответ, девица скуксилась, перестала улыбаться и принялась посматривать по сторонам. «Коза, – зло думал Марк, – я что, виноват в ее неправильном прикусе? Или в том, что она плохо чистит зубы?» Короче, опять случился облом, и он уполз с выставки один, грустный и невостребованный.

Нет, конечно, бывало и по-другому. Не все женщины боятся стоматологов. Но каждый раз что-то не складывалось.

Отношения развивались в разных направлениях и заходили по-разному далеко, но финал – неизбежное расставание. Обычно он относился к таким обломам с философским спокойствием и изрядной долей юмора.

Но сегодня с юмором у молодого человека было туго. Может, причина в Марине – очередной женщине, которая его в очередной раз оставила. И не просто оставила, а лишила весьма существенной части денежных накоплений. Так грустно – думать, что тебя любят, и вдруг обнаружить вместо пламенного чувства холодный расчет. Черт, он не согласен быть папиком, из которого маленькая хитрая б... ярославская будет тянуть деньги. Хотя деньги на квартиру она из него таки вытянула. Но не только денег жалко – черт с ними, с зелеными и деревянными. Бедняга Марк никак не мог задавить того грустноглазого романтика, который живет где-то в глубине души и жаждет, идиот, большого и светлого чувства. Его часто обижают и обманывают. И тогда оба, Марк и его романтик, надираются – вот как сегодня. И жалуются на жизнь.

Но времена меняются. Это раньше можно было закатиться к другу на три дня – главное, чтоб выпивки и закуски хватало. И честить баб, и пойти оторваться в какую-нибудь сауно – тогда еще полуподпольную. И по пути где-то прибиваются полужнакомые бедолаги с похожими проблемами. А может, проблемы и другие, но тоска и средства заливать эту тоску – общие. Дня через три-четыре начинаешь жалеть, что

не умер вчера, но зато на душе становится легче, и можно прислушаться к тому прагматику, который сосуществует в бедной душе с романтиком. Прагматик всегда готов напомнить, что кое у кого все ж таки медицинское образование: и помнишь ту печень, которую мы разглядывали в анатомичке? Тот мужик умер от цирроза, потому как был алкашом. И ты, дружок, сейчас подозрительно смахиваешь на него. Эти мысли помогают вернуться к здоровому образу жизни, который Марк по большей части и ведет.

Сейчас, правда, не то, что раньше. Большинство друзей женаты и с детьми, к ним не зайтишь, да и с собой особо не утащишь в запой – кому не до того, а кто бы и рад, да жена, вот и ребенка надо завтра в цирк сводить. А вообще-то, если вдуматься, не только в этом дело. А дело тут в тлетворных западных влияниях. И нечего усмехаться. Вы думаете, кока-кола – это хорошо? Подержите ее минутку во рту, а потом проведите языком по зубам. Они словно покрываются липковатым налетом. Эта дрянь разъедает все, даже зубную эмаль. Да и образ жизни, навязанный нам, противоречит русскому менталитету и традиционному укладу, разъедает наши души. И нечего хихикать. Да, Марк еврей, но это не мешает ему быть русским, ну ладно, чтоб вам было легче, российским патриотом. А потому он может заявить со всей откровенностью, ибо кто же еще может искренне охать свой народ, если не настоящий патриот? Так вот, нет в нашем народе былой душевности. Насмотрелись в этих чер-

товых заграницах:

– Как вы поживаете?

– Прекрасно! А вы?

– Все о'кей!

Не принято стало жаловаться на жизнь и хандрить. Принято быть бодрым, подтянутым и оптимистичным в общении с людьми. Сегодня пообщался оптимистично, а завтра пошел и так же бодренько повесился. Прямо как у них там, на Западе. Недавно Марк с удивлением узнал, что кое-кто из его знакомых – если быть точным, то две знакомые девицы – посещают психоаналитика.

Сначала его это развеселило, потом ему взгрустнулось, а потом подумалось: а может и нам уже пора – там-тарам – стройными рядами к доктору? Или к шарлатану. Потому как откуда в нашей стране возьмется нормальный психоаналитик при отсутствии учебной базы и научной школы? Интересно, а там, в кабинете российского психоаналитика, есть кожаная кушетка, как в кино? И говорит ли он (как в том же кино): «О, мне очень жаль, но ваше время истекло. Увидимся и продолжим на следующем сеансе».

Представляете? Нет чтобы пойти к подруге, к маме (это, правда, редкость – мама по большей части на все жалобы реагирует стандартно: «Я же тебе говорила, а ты никогда меня не слушаешь»). Неплохо также использовать в качестве жилетки бывшего мужа или любовника. Это он знал по себе. В смысле, Марк как раз такой бывший любовник. У него

есть несколько бывших пассий, которые, во-первых, после того, как перестали с ним спать, начали у него лечиться, а во-вторых, регулярно используют его широкое плечо для опоры (выражаясь фигурально, ясное дело) в трудную минуту. Как-то одна из беспардонных девиц – Алиска – затащила его в «Макдоналдс» и полтора часа изливала душу, жалуясь на свекровь и мужа. Марк терпеть не мог фаст-фуд – нездоровая пища, да и удовольствия никакого. Кроме того, там всегда шумно, а за соседний столик села такая милая девушка, а он тут при Алиске. Короче, слегка озверев, молодой человек мрачно смотрел, как его бывшая – слава тебе, Творец, бывшая! – поглощает второй гамбургер, и слушал жалобы на неудавшуюся личную жизнь.

Честно сказать, он и раньше-то подозревал, а после нескольких занимательных эпизодов был-таки твердо уверен, что во всех своих неприятностях девушка виновата сама. Склонность у нее к авантюризму, понимаете ли. Причем к авантюризму сексуальному. Ну вот придет нормальному человеку в голову трахаться в ресторане в туалете, причем стена этого самого туалета полупрозрачная... не знаю, кому в голову мысль пришла. Должно быть, архитектор был скрытый эксгибиционист. Ну, то есть стена, само собой, прозрачная в правильном направлении – вы прохожих видите, а они вас нет. Но все же, когда ты мирно закончил то, зачем пришел, и уже помыл руки, в дверь раздается стук и хорошо знакомый голос бормочет за дверью: «Яшенька, открой, ско-

рее...» Он думал, что-то случилось, ну, «молния» там разошлась или еще что. Но эта ненормальная влетела в помещение, захлопнула за собой дверь и тут же набросилась на ничего не подозревающего дантиста. Он-то планировал секс на после ужина, что-нибудь такое романтическое – со свечами. А тут – завалили на крышку унитаза и буквально изнасиловали. Марк разозлился. К тому же на их столик утку по-пекински должны были вот-вот подать, а он тут... Поэтому он был почти груб и насадил на себя эту паршивку так, чтобы уж мало не показалось... Глаза у нее полезли на лоб, и она впала в полный экстаз, а он отправился в ресторанный зал. Странные существа женщины. Короче, к тому моменту, как она пришла в себя и выползла к столику, Марк уже почти справился с уткой. Позже пришлось признать, что этот недуманный шаг – проявить себя грубияном и тем самым оттолкнуть чокнутую Алиску – привел к прямо противоположным результатам: она вцепилась в него как клещ, и он встречался с ней довольно долго, пока не нашел себе замену. Тут надо еще отметить, что при склонности к такого рода развлечениям Алиса умудряется быть замужем. Как ей это удастся – Марк никогда не понимал. И самое главное – не как, а зачем. Муж зарабатывает намного меньше ее, трахаться предпочитает по выходным на сон грядущий в самой что ни на есть традиционной позе и, кроме того, обладает на редкость склочной мамашей. И тем не менее на все вопросы – зачем он тебе? – Алиска, распахнув глаза, отвечает: «Ну как же, я

его люблю!» Нормально? Образчик женской логики.

И вот теперь свекровь устроила девушке очередную Варфоломеевскую ночь по поводу предстоящего отъезда Алиски на какой-то форум на Кипр. Марк хмыкнул – уж он представляет себе эти форумы! Знаем, пробовали... Группа менеджеров, которую компания делегировала на неделю на Кипр как передовиков производства... Черт, это раньше были передовики, а теперь что? Ну, впрочем, учитывая, что там и дамы, название вполне сойдет. Так вот, он таки представлял себе, как они там оторвутся! Впрочем, Марк всегда был человеком не завистливым и искренне желал Алиске, чтобы ей попалась пара симпатичных менеджеров и бармен из местных... впрочем, она способна и портье использовать, если он будет хоть на что-то похож... Надеюсь, бизнес-тур на Кипре не пострадает. Милое место – много солнца, моря... и, к огромному сожалению, немало наших соотечественников. Марк посмотрел на девушку – слава Тебе, Создатель, бывшую его девушку – добрым взглядом. Машинально отметил, что ей пора менять пломбу на правом клыке – скололась. Малохольная Алиска обожает грызть орехи, это при ее зубах! Девушка из-за соседнего столика ушла, и он разочлился окончательно.

Подружка как раз углубилась в повествование о коварстве свекрови, которая под предлогом заботы о ее, Алискином, здоровье погладила утюгом любимый и жутко дорогой комплект шелкового с кружевцами белья. Помню, помню, белье

у Алиски и правда всегда необыкновенное. И еще она носит летом чулки с подвязками... Марк улыбнулся приятным воспоминаниям. Как любой нормальный мужчина, он терпеть не мог колготки. Попробуйте снять их с женщины и сохранить эротичность момента. Все-таки утилитарность и эстетичность – вещи плохо совместимые. Вздыхнув, он спросил:

– Алиска, ну скажи, какого черта ты мне все это рассказываешь? У меня нет ни мужа, ни свекрови, а потому я даже совет дать не могу! Поговорила бы с подружкой...

Несколько секунд она хлопала, глядя на него, глазами, потом хихикнула и сказала:

– Знаешь, Яшенька, ты лучше, чем подружка. Ты никогда не будешь перебивать на середине разговора, чтобы спросить, где я купила такой классный джемперок и кто меня так кошмарно постриг. Ну и потом, ты просто очень душевный парень и неплохо разбираешься в людях.

Вот, извольте вам, разбираюсь в людях! На тот момент глупому Марку этого хватило, чтобы заткнуться еще минут на двадцать. Но теперь он понимал, что нахалка просто бесовестно подлизывалась. Потому как в людях он не разбирается совершенно, и это таки надо признать, как ни грустно. Иначе стал бы он связываться с той же Алиской, которая все полгода, пока они периодически встречались и трахались – надо признать, довольно неплохо... просто даже очень здорово... Да, так вот, она все эти полгода звала его Яшенькой. На вопрос «почему?» захлопала глазами и сказала, что это

библейское имя идет ему гораздо больше, чем его собственное. Можно подумать, что Марк имя не библейское. Впрочем, Библию девушка, скорее всего, не читала.

Марк повздыхал и принялся грызть себя дальше: «Тот факт, что я просто осел и совершенно ничего не понимаю в женщинах, доказывает и моя связь с Мариной. Идиот. Романтик. Может, и правда пора к специалисту?» Хотя, честно признаться, рассказать правду о том, что случилось, он не сможет никому и никогда. Даже доктору. А потому – на фиг к нему ходить? «Доктор, научите проникать в тайны загадочной женской души... Или хоть налейте, а то очень уж погано...»

В общем, к психоаналитику он не пошел, а надрался в компании и пошел к тете Рае.

«Так о чем это я?» В который раз за сегодняшний вечер Марк пытался собрать мозги в кучку. Да – узок и избран круг стоматологов. И как правило, материально очень неплохо обеспечен. Но – как верно замечали классики (в основном будучи уже людьми далеко не бедными) – не все можно купить за деньги. А потому денег надо много, чтобы купить все, а кроме этого – то, что купить нельзя.

Например, он купил квартиру (правда, он ее отдал – не в обмен на счастье, нет, в обмен на свободу от несостоявшегося счастья – что-то сложно получается). Машины он покупал тоже, от «жигулей» перешел к вполне приличному «форду». И «фордом» этим, надо сказать, доволен. Нет, не про-

сто доволен, а прямо таки очень. Он такой темно-вишневый, с круглой жопкой и большим количеством фар. Марк даже сам его мыл иногда – просто приятно, – настолько совершенны линии. Если вспомнить старика Фрейда, то в этом, несомненно, обнаружится некий подтекст: с одной стороны, иномарка – это символ мужского самоутверждения, а с другой – машина у мужчин (так же, как и яхта) ассоциируется с женщиной. Ну и пусть. Что плохого-то? «Форд-фокус» – прекрасная машинка, а для мужика прекрасная машинка значит не меньше, чем женщина. Можно было и мерс купить – может, не новяк, но двухлетка он бы потянул, – но кому надо лишний раз светиться? Так, что еще? У него имеется абонемент в спортклуб, неброская, но недешевая одежда, он много путешествует... Однажды у Марка даже был роман с мулаткой. Вы не поверите, как после этого вырос его рейтинг в глазах окружающих. Он никогда прежде не думал, что столько приятелей спит и видит, как бы потрахаться с дамой, у которой кожа цвета кофе с молоком. Кожа, кстати, у нее была чудесная. И зубы. И ноги. Единственное, что его раздражало, – это масса косичек на голове. Они такие странные на ощупь. И потом, однажды он встретил Дели у входа в ресторан, где у них было свидание, – а она была, ну, не совсем лысая, но почти. На голове топорщился короткий ежик, выкрашенный в блондинистый цвет. Нормально, да? Ежик блондин. Весь ужин был посвящен лекции о волосах и прическах. Оказывается, расплести косички очень сложно, не

говоря уж о том, что бедняжка от них просто устала. «И ты не представляешь, как чешется голова», – закатывая глаза, жаловалась девушка. Черт, может, он просто старый еврей, который не способен принять современные тенденции в моде, но его страсть умерла там же – на пороге ресторана.

Марк прекрасно сознавал, что он не урод – чуть выше среднего роста, темноволосый еврей тридцати с небольшим лет, у которого все есть. Почему же он сидит у тети Раи, в ее двухкомнатной малогабаритке, курит и ждет, пока она сварит ему кофе, сядет за стол, подперев пухлую щечку пухлой ручкой с двумя обручальными кольцами – своим и дяди Миши, царство ему небесное. А потом они всю ночь будут говорить. Он расскажет ей, что опять не смог обрести личное счастье. Простое, человеческое, то, которое не за деньги. («Господи, как меня угораздило так надраться – ведь завтра будут дрожать руки... Ах да, завтра воскресенье – какой же я сознательный, я никогда не позволяю себе надраться накануне рабочего дня».)

А тетя Рая в который раз объяснит племяннику, что счастливые браки устраиваются на небесах.

«Да, конечно, на небесах, мой мальчик. Например, твой покойный дядя Миша. Он был послан мне Богом: я очень хорошо с ним жила, и он помог твоей маме, моей сестре, и с учебой, и с квартирой, а потом и с отъездом в Землю обетованную. Ой, я получила от нее письмо вчера, я тебе потом почитаю. И тебя он никогда не забывал; я думаю, он рад

был, что ты не уехал. Да, я просто знаю, что он любил тебя, как сына. Особенно он был счастлив, когда ты решил тоже стать врачом и тоже дантистом. «Наш Марк, – говорил он, – наш Марк хороший мальчик. Он понимает, что нужно. Нужно хорошо учиться и стать нужным людям. У людей всегда болят зубы. И люди всегда идут к дантисту, особенно если он хороший врач и еврей. Потому что люди знают – только еврей может стать хорошим зубным врачом».

– Почему?

Этот философский пассаж раньше не встречался в тетушкиных воспоминаниях и, честно говоря, несколько озадачил Марка.

Но тетя Рая только передернула плечами, обтянутыми шелковым халатом с драконами.

– Почему? Я не знаю. Но твой дядя был очень мудрый человек. И его всегда уважали за мудрость, и даже рабби сказал как-то...

Тут Марк опять впал в ступор. Слова текли мимо него, много раз слышанные, обкатанные, как камушки на морском берегу, успокаивающие, как шум прибоя там же... На море, что ли, поехать. Чтобы было тепло. Зелень, рестораны, танцы, пары прогуливаются по набережной... Пары... «Черт, а я-то один. Никуда я не поеду. Нет у меня сил для очередного курортного романа».

Он устал. Ну и что, что молодой? Если человек чувствует себя старым, усталым евреем. Не очень мудрым. Он, навер-

ное, в папу, которого никогда не видел. Ну и черт с ним – все это давно пережито и отстрадалось еще в юности, когда и положено мучиться по этому поводу.

Само собой, Марк страдал. Щуплый, носатый еврейский мальчик с непослушными кудрями и влажными глазами за толстыми стеклами очков. Получил свое сполна за прочерк в графе «Отец». Конечно, не он один в классе рос без отца. Но так получилось, что только у Марка он не умер, не ушел – его просто никогда не было. А может, его мать была единственной из мам, которая не сочла нужным что-то придумывать. Марк часто злился на нее за это. Вернее, и за это тоже. А еще за неласковость, холодный взгляд голубых глаз и непререкаемое: «Это твои проблемы, дружок. Ты уже взрослый мальчик. Справляйся сам».

И он справлялся. Правда, не то чтобы совсем сам. Ведь были тетя Рая и дядя Миша, которые всегда готовы были выслушать и поговорить. Это так важно – знать, что тебя выслушают. Даже если не помогут – дядя Миша не мог и не хотел помогать мальчику в его школьных проблемах, но он слушал. Качал головой, давал какие-то советы – в основном невпопад. Тетя хлопотала в кухне – так не похожая на его маму, хотя и родная сестра. Мама всегда была стройная, подтянутая, предпочитала брюки, носила короткую стрижку и курила дорогие сигареты. Тетя Рая отличалась пышными формами, красила волосы хной и укладывала их в классическую халу. От матери пахло только французскими духами – веч-

ный предмет зависти ее подруг. Она регулярно дарила духи тете на день рождения. Марк удивительно хорошо помнил эти маленькие коробочки, иногда голубые, иногда желтые с белыми голубками, со странными названиями и волнующими запахами. Самое забавное, что от тетушки духами никогда не пахло. По крайней мере, она стойко ассоциировалась у мальчика с запахом кофе, ванили, пирожков. И представлял он ее себе всегда в халате, в кухне. В этой кухне было тепло и можно было чего-нибудь поесть.

Не мудрено, что, когда мать собралась выйти замуж и уехать на ПМЖ в Израиль, Марк отказался ехать с ней. Слава богу, ему уже исполнилось шестнадцать, и формальности уладить было несложно. С тех пор она присылает ему открытку каждый год на день рождения, а все новости и сплетни он узнает от тети, которая иногда пересказывает ее письма.

В целом все складывалось очень неплохо. Мальчик вырос и удачно миновал череду юношеских инициаций: первая сигарета, первая пьянка, первая женщина... Курит Марк редко – только в моменты сильного стресса. Пьет, само собой, но умеренно и предпочитает качественные напитки. А вот что касается женщин... Приятели считают его бабником. Это самый заезженный анекдот в компании. Если речь заходит о женщинах, кто-нибудь обязательно скажет: «А давайте спросим Марка – он у нас знаток. Марк, правда, что...»

Дальше может следовать любая чушь: правда ли, что ры-

жие склонны к садизму? (Глупости какие.) Неужели женщины-стоматологи могут трахаться с пациентами? (А что, стоматологи – не люди? Еще как могут!) Ну и так далее...

А Марк, прошу заметить, вовсе и не бабник, а самый настоящий романтик. Вот. Романтик в процессе поиска своего идеала. И с этим пока дела обстоят не очень хорошо.

Карьера удастся ему лучше, чем личная жизнь. Институт, аспирантура, кандидатская, практика в частной клинике, докторская в процессе написания. Он ведь правда хороший врач и любит свою работу, даже если окружающим она кажется не слишком приятной.

Врачей часто подозревают в садизме и в том, что стоматолог наслаждается видом беспомощного человека в кресле. Кое-кто из коллег этим грешит, что и говорить. Но Марк не такой. Единственное, чем он иногда наслаждается, – это прикосновение к теплему бедру пациентки – кресло узкое, а врач должен сидеть близко. И ничего дурного в этом нет. Вообще, секс в этой жизни не главное. Да, он смеет это утверждать, и, поверьте, его опыта хватит на полклиники. Хоть он и не готов отказаться от этой радости. Ну скажите, что еще требует так немного: два симпатичных друг другу человека – и дарит такое разнообразие ощущений? Секс может стоить кучу денег и оказаться посредственным, а может запомниться на всю жизнь, хоть дело и происходило весной в парке «Сокольники» и листочки были еще совсем молодые и клейкие... И все же сегодня он с уверенностью может за-

явить: радости плотских утех не главное в этой жизни. Главное – что-то другое, иначе почему ему, человеку, у которого все есть, так плохо?

И вот в жизни Марка опять обнаружилась неожиданная пустота. Пустота, которая настойчиво требовала заполнения. Жена и ребенок. Он знал, что пришло время. Он созрел для брака и отцовства. Он готов любить, беречь, материально обеспечивать (ах, прав был дядя Миша – пока у людей не перестанут болеть зубы, стоматологи будут процветать). Но! Что-то не складывалось в небесном брачном агентстве. Марк ждал, поглядывая по сторонам, где же она, его женщина. Женщин было много, а вот с семейным счастьем пока не складывалось.

Тетя Рая между тем продолжала говорить, время от времени прихлебывая чай с коньяком из любимой чашки от сервиза «Мадонна», – в доме было полно старинного фарфора и даже серебра, – у дяди Миши всегда был хороший вкус и понимание того, во что надо вкладывать деньги. Но вот поди ж ты – больше всего тетушка любит именно этот аляповатый сервиз, предмет вожделения многих обывателей в начале восьмидесятых.

– И дядя Миша всегда желал тебе добра, и я тоже, конечно, я не могу его заменить, но я стараюсь. Да и вообще-то это дело женщин, старых и болтливых, таких как я, – устраивать браки.

Хоп. Пока Марк был весь в себе, тетушка опять углуби-

лась в свою любимую тему – как бы его женить. Наверное, это хобби всех одиноких бездетных тетушек – устраивать личную жизнь своих молодых родственников. Тетя Рая не была исключением. Честно говоря, частично он сам был виноват в ее настойчивости. Однажды Марк проявил слабость, позволив ей познакомить его с девушкой. Девушка обладала шикарнейшей – в смысле большой – грудью, чуть менее шикарным, но тоже выдающимся носом и библейским именем Мария.

Это было пять лет назад. Знакомство закончилось ничем. Вернее, не совсем ничем – она ходит к Марку лечить зубы, приглашает в гости, когда собирает большие компании, и плачется ему в жилетку по поводу своего любовника – он на два года старше Марка, высокий голубоглазый блондин. Он был контужен в Афгане, и с тех пор у него нервный тик и периодические запои. Это именно от него пыталась спасти Машу тетя Рая. Но у каждого своя судьба, – они вместе уже восемь лет, и конца-краю этому не видно.

– Тетя, не надо меня сватать. Кроме того, вы сами только что сказали, что все счастливые браки заключаются на небесах.

– А то небесам нечем заняться, кроме как искать тебе невесту! – Тетушка с негодованием поджала губы. – Конечно, заключаются браки там, наверху, но чтобы это случилось, я должна найти славную девушку для моего мальчика. Или ты думаешь, мы с твоим покойным дядей познакомились на

улице? Никогда! Я была порядочной девушкой. – Тетушка гордо покивала головой, увенчанной ядовито-рыжей от хны халой, и поправила на груди веселенький шелковый халат с драконами. – Его бабушка узнала все о моей семье и поговорила с моей мамой, и только после этого... Что ты смеешься над своей старой теткой? Тебе не стыдно? Конечно, теперь все просто – сошлись, разошлись.

Но так дела не делаются и жизнь не устраивается. И я не понимаю, что ты имеешь против. Она очень милая девушка. Она год прожила ТАМ (несомненные заглавные буквы в сочетании с выпученными глазами служили обозначением Израиля), но вернулась. Бедная девочка, конечно, там было одиноко и тоскливо – семья у нее здесь. И с работой там все оказалось не так просто, хотя она свободно говорит на иврите, а уж английский знает почти в совершенстве...

– Почему же такое совершенство не нашло работу? Оказалось, что там богатые мужья под ногами не валяются, и она вернулась домой, чтобы папа с мамой выдали ее замуж здесь?

– Фу, Марк! Как не стыдно! Она милая девушка и замуж собирается только по любви. – Тетушка закатила глаза к потолку. – А с работой там действительно нелегко. Почему ты такой злой сегодня? Ты должен радоваться, что не успел совершить глупость и жениться на этой мымре.

Всем девушкам Марка тетушка давала нелестные прозвища. Марину она сразу окрестила мымрой. Не знаю почему. В

моем представлении мымра – это нечто худое, коротко стриженное, с тонкими губами и пронзительным голосом.

Ничто в Марине не отвечало этому образу. Наоборот. Про себя Марк называл ее тургеневской девушкой (поначалу). Невысокая, хорошо сложенная, но отнюдь не худая. А Марк, несмотря на нынешнюю моду на угловатых девиц, придерживался своих взглядов: когда ты гладишь женское тело, рука не должна наткаться на кости. Посмотрите на полотна великих живописцев. Рубенса вспоминать не будем – это уже другая крайность. Все классики понимали, что женское тело должно иметь округлости, которые радуют глаз (а потом и руки и...). Да, так вот о Марине. С фигурой было все в порядке. А еще она обладала голубыми, широко расставленными глазами, чуть вздернутым носом, пухлыми губами и толстой косой. Боже мой, в сочетании с платком, накинутым на плечи, и неторопливым провинциальным говором это создавало чудесный образ девушки из романа какого-нибудь русского классика.

Марк увидел ее в гостинице, где она работала администратором. В эту зиму в Ярославле проходил съезд стоматологов. Было даже несколько иностранных врачей. Видимо, иностранные участники и настояли, чтобы мероприятие прошло где-нибудь в провинции. Они у себя таким образом освежают провинциальную медицину. Нашу надо было не освежать, а реанимировать. А лучше «разрушить до основания, а затем»... Впрочем, что ни делается, все к лучшему.

Местная администрация, опасаясь международного позора и санкций из Москвы, спешно закупила кой-какую новую технику и материалы, а также распорядилась покрасить стены и починить водопровод в городской стоматологической поликлинике. Жалко, что врачей новых купить было нельзя, потому что старые явно не знали, что делать с новым оборудованием.

Этот неловкий момент, так же как и ряд других – особенности питания и проживания в местных гостиницах, например, – принимающая сторона старалась компенсировать демонстрацией традиционного русского гостеприимства, как то: гулянки до утра с немереным количеством местной выпивки и коллективами народной самодеятельности, катание на санях и т. д.

Глава 2

Так вот, Мариночка работала администратором в местном гадючнике, то бишь гостинице. То есть она сидела за стеклянной перегородкой и большую часть дня читала книжку. Когда к ней обращались иностранцы на непонятном ей английском или русские с непонятными ей претензиями – человеку, который всю жизнь прожил в Ярославле, очень трудно объяснить, что простыни в гостинице не должны быть дырявые, – так вот и в том и в другом случае она совершенно очаровательно краснела, заливаясь девичьим румянцем по самую нежную шейку. А может, и ниже. Короче, на следующий после конференции уик-энд впечатлительный Марк опять нарисовался в Ярославле. Марина сидела на том же месте в том же пуховом платке и читала. Она, кажется, не удивилась его появлению. Молодой человек понес какую-то чушь: что ему якобы нужен отдых, что в Москве ужасно, грязно, шумно, а здесь в тиши он сможет насладиться покоем. Мариночка согласилась, что у них тут очень тихо и спокойно. И что по городу лучше гулять с человеком, который его хорошо знает. Да, она сможет освободиться через час-полтора.

Марк был в полном восторге. Ему даже в голову не пришло удивиться, как это она смогла за час найти себе замену. Да и в следующие дни она всегда оказывалась свободной, как

только он появлялся на горизонте. Это была тихая гавань, о которой мечтает любой усталый путник. Маленький городок, старинная архитектура, неторопливые прохожие, размеренная жизнь. Должно быть, свою роль сыграл и разительный контраст с предыдущей подружкой: Лиля не могла дня прожить без гостей, магазинов, ночных клубов и т. д. Она была шикарной женщиной – но Марк понял, что такая шумная жизнь не для него.

И теперь он наслаждался, отдыхал душой и телом во время неспешных прогулок и спокойных бесед. Во многих областях Марина была наивна, и образование ее носило скорее поверхностный характер, но даже самые банальные суждения об архитектуре Ярославля или о политической ситуации в стране казались мужчине милыми и свежими, так как сопровождались ясным взглядом голубых глаз и исходили из этих прелестных губ – прошу заметить, не тронутых косметикой!

Они обошли весь город. Его историческую часть Марк теперь знал не хуже своей гостиной. А уж легенду о храбром и славном князе Ярославе, сыне Владимира Красно Солнышко, мог изложить с такими подробностями, которые не снились самому подкованному гиду. Проплывал как-то Ярослав – тогда еще не названный Мудрым, но, несомненно, мужик с потенциалом – по Волге и решил сделать привал на приглянувшемся берегу. Сказано – сделано. Дружина раскинула скатерть-самобранку и неплохо подзаправилась. А по-

том Ярослав взял да и наварлся в кустах на медведя. Князь небось пошел отлить, а мишка там малину ел. Короче, схватил Ярослав секиру и порубил ни в чем не повинное животное. Что значит древние люди – ни тебе Гринписа, ни егерей, ни штрафов. Завалил медведя – и строгай с него вырезку, ты же еще и герой. А потом решил Ярослав основать на этом месте город. Должно быть, к тому моменту, как они медвежатину доели, уходить уже никуда не хотелось. И теперь этот мишка, который встретился мужику в столь недобрый для себя час, широко представлен на всех предметах туристского охмурения: кружках, тарелках, картинах и картинках, шкатулках, вазах и прочем барахле. Марк даже подумывал совершить экскурсию в находящийся на Волге же матушке городок Мышкин. Уже хотелось как-то разнообразить свои зоологические познания. Говорят, там есть презабавный музей и все кругом – сплошь в мышках. Но Марина почему-то ехать не захотела. Отказ был мотивирован слабовато: что-то по поводу работы и «что там делать-то – деревня и деревня». Этакий снобизм городского жителя, немало Марка позабавивший. Но раз девушка не хочет – он остался верным паладином и мышек так и не увидел.

Вообще, этот роман развивался неторопливо и патриархально – должно быть, сказывалась местная атмосфера. Будь они в Москве, на Марковой, так сказать, территории, он, скорее всего, давно затащил бы Мариночку в постель. Но тут такой возможности не было. Дома непрерывно находился кто-

нибудь из родственников, а гостиница была полна знакомыми, которые провожали их любопытными взглядами. Поэтому они только целовались по углам, словно подростки. Губы у нее были мягкие, теплые, податливые. Она прижималась к мужчине жарким телом, и Марк чувствовал, что еще немного – и он сойдет с ума от нереализованного желания. Честно, хотел сказать – неутоленного, но как-то это... Не соответствует прагматичному подходу нашего века. Это раньше желания утоляли. А теперь мы их реализовываем. А если не реализовываем с непосредственным объектом, то потом... Ну, сами знаете, взрослые небось.

Теперь, по мере возможности остудив голову и занявшись анализом собственных глупостей, Марк решил, что сгорел именно из-за Мариночкиной простоты и первозданности. Она вся была дитя... чего? Не то чтобы природы... И не то чтобы народа... Некой среды... О, вспомнил! Она мешаночка. Точно: не слишком умная, без маникюра и косметики, достаточно хитрая, чтобы угадывать желания и разжигать интерес в мужчине. Это был такой разительный контраст с его предыдущей пассией Лилей. Вот уж кого можно назвать конечным продуктом урбанистической цивилизации. Девушка передвигалась только на машине, ела исключительно экзотические продукты или полуфабрикаты из упаковок. Готовила в микроволновке. Какого цвета были волосы Лили первоначально, никто из общих знакомых не знал, – на момент романа со стоматологом в ее шевелюре

преобладали розовые тона. Настоящая жизнь начиналась тогда, когда закрывались двери офисов и открывались совсем другие. Нет, тихие вечера – это было возможно, но только если Лиля заболела. Все остальное время она порхала из одного развлекательного заведения в другое. И совершенно все равно – было ли это шоу с мужским стриптизом или с женским. Закрытый чопорный клуб или «Стар-Гэлекси»¹ – только там, среди шума и суеты, девушка чувствовала себя счастливой, словно дорогая электронная игрушка, подключенная к сети и питающая свою жизненную энергию шумом, блеском, светом многочисленных лампочек.

Нет, сначала Марку тоже показалось забавным осваивать новые места и какие-то странные понятия типа чил-аут² и драйв, переходить от смокинга к рваным джинсам и обтягивающей майке. Сегодня торчим в подвале, где на полу валяются шприцы и упаковки от «колес», и слушаем диджея с каким-то безумно-бессмысленным именем, чтобы завтра идти на выступление шотландского фольклорного ансамбля, а послезавтра надо успеть на презентацию помпезного бутика, открытого родной российской знаменитостью. Там преобладают всякие странные личности типа очень одинаковых и, как правило, скудно одетых девушек и мужчин, которые

---

¹ «Стар-Гэлекси» – сеть семейных развлекательных комплексов.

² Чил-аут, чилаут – стиль электронной музыки, от английского сленгового слова, означающего расслабление; чил-аутом также называют зону отдыха в танцевальных клубах.

уже научились при людях не складывать пальцы веером, но сохранили тяжелое выражение лица и «конкретное» отношение к окружающим. Мелькали лица, клубы, меню, рейв сменялся хип-хопом, и Марк стал уставать. На его вопли: зачем? – Лилила пожимала плечами – все идут. Он пытался объяснить девушке, что развлечения надо дозировать, но потом понял, что для Лили это не способ проведения досуга, а образ жизни. И сошел с дистанции. Душа взалкала покоя. Надо полагать, это и занесло молодого человека в провинцию.

Однако, как ни был мил городок Ярославль, его удаленность и вечное – кладбищенское – спокойствие начинало действовать на нервы. Неопрятность и хамство – прелестные реликты советских времен, более или менее залакированные в Москве, – здесь сохранились в своем первозданном виде. Кроме того, комфорт разлагает. К хорошему быстро привыкаешь. У Марка имелась удобная квартира с нормальной кроватью, и после ночи, проведенной на гостиничном шишковатом матрасе, он просыпался в крайне дурном расположении духа. Дальше все становилось еще хуже – стоило зажечь свет в ванной, как тараканы прыскали в стороны. Горничная, воодушевленная приличными чаевыми, убирала номер на совесть. Но унитаз, который подлежал списанию еще при Горбачеве, если не раньше, она заменить не могла, и он периодически тек. Уж про еду не стоит и говорить. В ресторане при гостинице готовили сносно, но многое зависит от качества продуктов, а оно по большей части было так

себе. Короче, щенячьего энтузиазма хватило на две недели – прошу заметить, взятых за свой счет. Потом даже любвеобильный стоматолог начал уставать.

И, словно почувствовав перемену в его настроении, Марина вдруг засобиралась в Москву. Оказалось, что там есть подруга, которая очень скучает, а еще масса вещей, которых тут, «в нашем захолустье», не купишь. И вообще, «знаете, Марк (она говорила ему «вы» до самого разрыва – он так и не смог понять, то ли это была своеобразная провинциальная куртуазность, то ли так она сохраняла дистанцию для самой себя), Москва – это не просто город. Да-да, не смейтесь. Это центр. Там столько всего, столько...» Все, он сгорел. Голубые глаза были широко распахнуты, кулачки прижаты к груди (молодой человек на тот момент уже готов был отдать все, что угодно, чтобы прижаться вместо кулачков). Итак, он предложил захватить ее с собой в Москву, проследить, чтобы она сняла номер в приличной гостинице, а потом и подыскать недорогое, но приличное жилье. Все это Марк уже лепетал Мариночкиной маме, пока девушка шустренько собирала сумку. Мама – полная женщина с невыразительным лицом – доверчиво кивала.

Конечно, он привез девушку к себе – надо ведь позвонить в гостиницы и узнать, где есть номера. Да и вообще, поздно уже... Короче, она так и осталась жить в его квартире. Да, вы будете смеяться, но Марк испытал и разочарование, и облегчение одновременно. Почему-то он ожидал, что она ока-

жется девушкой. Ничего подобного. В ответ на деликатный вопрос Марина рассказала не слишком внятную, но, несомненно, трогательную историю о мальчике, с которым они дружили со школы, а потом он ушел в армию, и она не смогла отказать... Короче, Марк решил, что она все это придумала. Но тогда это было не важно. Он получил то, что хотел, и был вполне доволен, обучая неискушенную Мариночку тонкостям и премудростям постельных игр. Марк устроил ее на работу – девушкой на телефоне к своему приятелю, у которого есть свой стоматологический кабинет. Вечером они обычно куда-нибудь ходили: в гости, хотя она не очень любила компании, в кино, правда, она предпочитала видео, в театр, но там ей было скучно.

И Марк вдруг почувствовал, что ему тоже становится скучно. Он словно привез с собой ярославскую тишину. Как только он входил в квартиру, сразу оказывался там, где ничего не происходит. Жизнь была снаружи. Дома тихонько бубнил телевизор. Мариночка сидела в уголке дивана поджав ноги, широко открытыми глазами глядя на экран. Она смотрела все подряд, ни к чему не проникаясь интересом. Нет, она не была ни лентяйкой, ни грязнулей – убирала квартиру и готовила еду очень исправно. Но обед – все же недостаточное основание для семейной жизни. Думаю, Мариночка заметила некую перемену в отношении к ней, то, что мужчина стал тяготиться ее обществом. Потому что вдруг объявила, что беременна. И сразу же, что первый аборт – это

безумие, так как «потом уже не родишь никогда». Конечно, в первом аборте ничего хорошего нет, хотя при наличии знающего врача все не так страшно. Но нет так нет. Кажется, Марк даже обрадовался. И стал говорить, чтобы она не расстраивалась, что мы поженимся, и как все будет здорово. Но Марина молчала. Недели две. А потом сказала, что замуж не хочет, а хочет, чтобы он купил ей квартиру. Честно, Марк не понял. Любая нормальная беременная девушка, с его точки зрения, должна хотеть замуж. Но она только отмалчивалась на все глупые вопросы: почему? Как так? Вы себе представьте: мужик мечется по квартире, выжимая сок из яблок и морковки, и пытается добиться ответа: почему? «Почему ты не хочешь за меня замуж? Ты меня не любишь?» В ответ молчание и бескрайний, бесконечный, как российские просторы, взгляд голубых глаз. Он садился рядом, брал ее руки в свои и, заглядывая в голубые омуты, вопрошал:

– Скажи мне: почему мы не можем пожениться? Я дам тебе и ребенку все...

Мариночка начинала потихоньку хлюпать носом, и Марк моментально отставал – он совершенно не выносил женских слез.

Тогда он разозлился и сказал:

– Раз нет – делай, как хочешь, но жить мой ребенок будет здесь, со мной.

Через два дня в квартире появилась мама. Еще через неделю Марк понял, что сходит с ума. Они обе практически

не выходили из дому – только за продуктами. Молча двигались по квартире, почти не соприкасаясь с хозяином. И тогда Марк спросил: раз он им не нужен, то почему они не уезжают в свой Ярославль? Они просто промолчали. Хотя он все уже понял. Им нужна была квартира. И когда в доме замелькал какой-то бородатый мужичок в синем костюме и до сведения несостоявшегося мужа было ненавязчиво доведено, что этот дядюшка – лучший в Ярославле адвокат, Марк струсил. Просто струсил. Судебное разбирательство ему было ни к чему. Поймите правильно. Он абсолютно законопослушный человек. Но в справедливость суда не верил даже в самые наивные годы. И не хотел с этим связываться. Да, он пошел и купил ей однокомнатную квартиру в Люблине. На ее имя. Принес документы и сказал: «Вот. А теперь все вон отсюда».

Они без лишнего шума собрались и ушли. Надо сказать, что часть вещей ушла вместе с ними. Но ему было все равно. На следующий же день Марк поменял замки. А потом... Последующие полгода стоили ему, наверное, трех лет жизни. Молодой человек не переставая думал об этом ребенке. Он хотел его. Он представлял, как будет с ним гулять, купать его. Не выдержал и поехал к ней. Он готов был платить деньги, купить большую квартиру, сделать все, что она захочет, – лишь бы Марина разрешила, позволила, чтобы ребенок был и его тоже.

Дальше вы будете смеяться. Дверь открылась. На пороге стояла Марина. В коротком черном в обтяжку платье. Се-

ребряные тени на веках, высоко уложенные волосы. Туфли на шпильках. Она выглядела замечательно и стала еще более красивой и привлекательной, чем была. Но она совершенно очевидно не была беременна. Челюсть у Марка отвисла. Он даже сказать ничего не мог. Только протянул руку и, тыкая пальцем в ее живот, замычал:

– А как же... где же...

– Рассосалось, – сказала она и захлопнула дверь.

И кто бы не надрался на его месте? Может, и не было никакой беременности. «Черт, как они меня, – думал Марк, – как последнего лоха...»

Вот вам грустная история про доверчивого еврея, который хотел жениться и растить детей вместе с ярославской красавицей, да не тут-то было.

Марку было так стыдно своей очевидной глупости, что он даже тете Рае не рассказал всего. Отредактировал, как мог. И вот теперь он сидит у нее в кухне, пьет кофе и медленно выходит из штопора. Жизнь продолжается, несмотря ни на что. Завтра он пойдет в спортзал, потом в баню и утром в понедельник, как новенький, – на работу.

– Марк, так когда ей зайти?

– Что?

– Ох, боже мой, я говорю, когда принимает тот хороший ортодонт, помнишь, ты рассказывал: милая женщина, у нее мальчик такой послушный...

Ведь у девочки должны быть красивые зубки, а он все не

выходит, и так обидно – передний зубик. Если бы где-то сзари, то и ладно...

– Погоди, у кого зубик не выходит? У этой твоей израильской красавицы?

– Как тебе не стыдно! Чем ты вообще слушаешь? И не приходи ко мне больше такой никакой. Обормот.

Тетушка встала. Массивная грудь сердито колыхалась под шелковым халатом. Она отошла к раковине и принялась греть посудой.

– Ну прости меня, тетя Рая, ладно? Мне было так плохо. А тут я согрелся, успокоился и, видно, задремал. И не прогоняй меня. Куда же я пойду плакаться и утешаться? Придется ехать к Стене Плача.

Раскаивался он искренне, и тетушка, само собой, простила Марка.

– Ох, ладно, что с тебя возьмешь. Слушай внимательно. У соседской девочки не выходит передний зуб. Светланочка, ее мама, юрист. Зарабатывает вроде прилично. И вот она говорит: поведу дочку в частную клинику, а я ей сказала: мой Марк работает в Центральном стоматологическом институте, и лучше, чем посоветует он, не будет нигде. Я хотела, чтобы ты посоветовал им хорошего ортодонта. Конечно, можно просто пойти в платную клинику, но там ведь неизвестно, на кого нарвешься, а у вас все-таки институт, кафедра.

– Ну вот, теперь я понял. Пусть приходит в понедельник твоя девочка, отведу ее к Антонине Ивановне. Только я не

помню, в какую она смену. Попроси мамашу мне позвонить, хорошо?

Расстались они с тетушкой тепло, хотя Марк и отклонил предложение взять Анечкин телефон (так звали несостоявшуюся покорительницу Земли обетованной).

Глава 3

Антонина Ивановна – детский ортодонт – милейший человек и очень хороший врач. Она работает в том же институте, что и Марк, – Центральном, а потому блатном и безумно дорогом, – за зарплату. Все назначают сумму, в которую пациентам обойдется лечение по высшему разряду. «Но можно и по госрасценкам, но качество, сами понимаете...» Антонина Ивановна так не умеет. Она все делает так, словно этот сопливый ребенок в кресле ее собственный. А если ей приносят подарки или деньги, она ужасно смущается и долго благодарит. Хорошо, хоть не отказывается. Старожилы говорят, что поначалу пыталась. Но потом жизнь заставила поступиться принципами и идеалами.

Она растила сына одна, и деньги ей были нужны ой как. У мальчика было какое-то хроническое сердечное заболевание. Узнав об этом, папа растворился в голубой дали, даже не забрав сына из роддома. И Антонина Ивановна билась одна. Полторы, а то и две ставки, замены заболевших, – личной жизни у нее, естественно, так и не случилось. Надо сказать, что мальчика она вытянула, – угловатый подросток с застенчивой улыбкой учился хорошо, маму не огорчал и вечером после работы встречал ее на автобусной остановке.

Вот к этой-то Антонине Ивановне Марк и решил сосватать дочку тетиной соседки, у которой был, как выяснилось

из разговора со Светланой по телефону, банальный сверхкомплект. Сверхкомплект – это когда вместо одного коренного зуба в десне присутствуют зачатки двух. Иногда выходят оба, иногда один. Как правило, лишний убирается, то бишь выдергивается, – и все. У тети-Раиной соседки оказался приятный, чуть хрипловатый голос. Почему-то Марк подумал, что она должна быть высокой... или не очень высокой, но такой... в теле. Такая теплая и уютная мама. Он объяснил, куда и во сколько подойти, какую сумму взять с собой, и они мило распрощались.

В понедельник утром Марк был как огурчик – не в смысле зелененький и в пупырышках, а в смысле бодр, свеж и готов к нелегким своим трудам. Классический завтрак – яйца, тосты и кофе – он поглощал в предвкушении нового, а потому интересного рабочего дня. Место трудов праведных находится в центре Москвы – факт, немало способствовавший престижу заведения в прежнее время. Кроме того, он работал не просто в клинике, а в научном институте, сохранившем – не полностью, но мы об этом никому не скажем – кадры и научный потенциал еще с советских времен, когда, что скрывать, они были самые-самые. Потом появились какие-то хамоватые частники, накупившие кучу оборудования и начавшие лечить зубы в обход системы государственного здравоохранения. И тут выяснилось, что спрос огромен. То есть больных зубов у населения немерено. Институт захирел, не выдерживая конкуренции. Ибо на одних научных дости-

жениях далеко не уедешь. Марк был слишком молод, чтобы претендовать на что-то, степеней не имел, а потому быстро пристроился в один из таких частных кабинетов, что и позволило ему заработать на приличную двухкомнатную квартиру в новом кирпичном доме и машину – тогда это были «жигули» шестой модели. Кстати, пока на них стоял вазовский движок, о лучшей тачке средний человек и мечтать не мог. Теперь-то, конечно, не то.

Так вот, институт прозябал. Поговаривали, что хирурги докатились окончательно – перед операцией писали список лекарств, которые предлагалось достать самому пациенту, если ему небезразличен результат.

Но потом пришел новый директор, который принес мешок денег, фигурально выражаясь, естественно. Просто часть клиники переоформили в ОАО, и на те деньги, что дали учредители, оборотистый дядька сделал ремонт, закупил оборудование и напечатал новый прейскурант цен. Народ присел. Цены были высокие. И деньги платились в кассу, потому как материалы теперь хозяйские, одноразовые шприцы – тоже, и за что врачу в карман класть? Честно, Марк, да и многие другие поначалу думали, что мужик палку перегнул. Но нет. Народ пошел лечиться. Само собой, не все пациенты были платные, по направлениям со сложными случаями шли те, кому оперативное вмешательство было жизненно необходимо. Но если вы желали получить красоту в чистом виде – вот тут требовалось хорошенько раскошелиться.

А потом... потом в два раза подняли зарплаты, и молодой человек первый раз поехал в Париж. На месяц. Он решил – надо не спешить. Ему хотелось посмотреть все, о чем читал, будучи школьником и студентом. Марк чувствовал, что просто обязан воочию увидеть этот город, эту сокровищницу мировых культурных ценностей, познать хотя бы часть из них... а еще ему очень хотелось познать французов. Это отдельная история, но парижанки ему не понравились. Хотя, может, просто не повезло... Марк даже не мог сначала толком сообразить, что же его так в них разочаровывает. Но потом понял: качества, свойственные нации в целом и помогавшие этой нации процветать, чрезвычайно раздражали в каждой отдельно взятой представительнице прекрасного пола. Сейчас попробую пояснить свою мысль. Марк всегда старался быть расчетливым и бережливым. В конце концов, именно от этого во многом зависела его жизнь. На маму он не рассчитывал, да и обременять собой дядю Мишу с тетусшкой тоже не хотел. А потому деньги считать и беречь умел не хуже какого-нибудь хрестоматийного Шейлока. Но всегда тешил себя мыслью, что никогда не бывал мелочен и скуп. А эти женщины были мелочны – во всем. Сначала он решил, что такой подход – следствие жизни в капиталистическом обществе. Марку даже взгрустнулось; у нас, наверное, тоже скоро так будет, с тоской подумал он, всматриваясь в личики своих недолговременных подруг, видя, как сжимаются в нитку губы, как они быстро подсчитывают в уме

франки... Удивляясь ноткам досады в голосе: «Милый, зачем цветы? На эти деньги можно было купить три пары чулок». И это говорила не бедная студентка, а женщина-врач, зарабатывающая очень приличные деньги, имеющая практику в дорогом районе. Вот таким образом он и вернулся домой, очарованный Францией – ее гобеленами, замками, вином, Шарлем Азнавуром и солнечным воспоминанием о том, как, бродя по Парижу, неожиданно попадал в ожившие полотна импрессионистов – его любимых художников. Честно говоря, Марк сначала даже расстроился: город не лучился праздничным весельем и, казалось, обращал не так уж много внимания на туристов. Почему-то ему казалось, что кругом должно быть больше красок, больше радости и шума. Но потом молодой человек понял, что карнавал – это не для Парижа. И тогда ему открылся другой город – старый и вечный. Этаким самодостаточный пространственно-временной континуум (что бы это ни значило в действительности). Вещь в себе. Растиражированный миллионы раз, но не ставший банальным просто потому, что городу и его обитателям – плевать. Нотр-Дам, несмотря на одноименный мюзикл, великолепен. А еще есть набережная, где собираются букинисты и раскладывают на лотках гравюры и старые книги. И пожилые мужчины – почему-то только мужчины – в вязаных кофтах и шейных платках играют в парке в такую странную игру – кидание шариков. И уличные кафе, где народ сидит чадами, где тщательно накрашенные старушки, вооружившись

чашечкой кофе, безмятежно созерцают жизнь, текущую мимо. Он был очарован городом...

...И глубоко разочарован его женщинами. Вы читали Мопассана? Что-то наверняка помните. Еще со школьных времен все думают, что он писал о любви. Чушь. Большая часть его новелл и рассказов посвящена исследованию мелочности и душевной скупости. Расчет как способ жизни большинства персонажей. Причем люди из высшего света живут точно по тем же принципам, что и нормандские крестьяне.

Один приятель, которому Марк жаловался на свой не вполне удовлетворительный опыт, посоветовал ему съездить на Лазурный Берег, уверяя, что там все по-другому. Пожалуй, надо бы попробовать, часто думал Марк, да все некогда.

«Форд» доставил нашего дантиста в институт вовремя. Хотелось бы сказать «домчал», но утром по Москве не больно-то помчишься. На улице апрель в разгаре. Просто неприлично теплый, и все чайники тут как тут – куда-то едут, создавая массу проблем на дорогах. Ну да ладно, главное – солнышко весеннее. Так он и сидел в пробке на Садовом, жмурясь на солнышке. Недавно, очередной раз расслабляясь в компании приятелей, где все были автомобилистами, а потому значительная часть разговоров была посвящена тачкам и пробкам, в которых все регулярно маются, Марку пришла в голову гениальная мысль (коньяк был хороший, и потому идеи генерировались легко).

– Ребята, – сказал он. – Ребята! Я знаю, что делать: надо

закрыть весь центр для машин.

– Ага, и ходить от Белорусской до Лубянки пешком, – заржал Толян, чье толстенное пузико и короткие ножки передвигались исключительно на «опеле».

– Нет, не обязательно пешком. На велосипедах! А что? Стоянки муниципальных велосипедов... Нет, если хочешь, можно и свой иметь. Ставишь машину на парковку, а дальше педали крутишь... И воздух чище будет...

– Ну да, прикинь, какой-нибудь банкир на велике, и охрана за ним педали крутит!

Все заржали. Один только Петя Мамолов, грустно глядя на приятелей большими синими глазами, сказал без тени улыбки:

– А я?

– Что ты?

– Я не умею ездить на велосипеде. Как же мне быть?

Он был так печален и так расстроен, словно и впрямь ехать ему завтра в центр на велосипеде.

– Да? – Марк несколько растерялся. Но тут же в голову пришла другая прекрасная идея. – Знаю! Нужны велорикши!

– Что?

– Ну, велорикши – это велосипед, у которого вместо багажника – вполне комфортабельная коляска. Я недавно по телику видел. В Индии таких полно!

– Так то в Индии, – протянул Петя.

Короче, они не оценили прекрасную идею. Хотя даже сегодня, на трезвую голову, она казалась Марку не столь уж дурацкой.

Он уже вкалывал вовсю, когда в коридоре его поймала за рукав миловидная женщина, тащившая на буксире девочку лет восьми-девяти – белокурое создание в расшитых цветочками джинсах, кофточке с какими-то пухляшками на рукавах и туфлях на платформе.

– Марк, я вам звонила. Я Светлана, соседка тети Раи, вы обещали посоветовать нам врача.

Все-таки Акела опять промахнулся. Ну почему он решил, что она обязательно будет уютной и с ямочками на щеках? Ничего подобного: невысокая, стройная, бюст, правда, вполне, но личико типичной замотанной горожанки, безо всяких там ямочек. Короткая стрижка, светло-русые волосы. Дело-вой костюм.

– Да-да, я помню. Антонина Ивановна пока занята. Вы можете подождать?

– Мы подождем, конечно. В смысле она подождет, а я подожду минут через сорок, ну, в крайнем случае через час. Так можно?

Марк несколько растерялся, но, с другой стороны, может, у нее дела. Тут страшное подозрение закралось ему в душу: а вдруг она попросит безотказного племянника тети Раи присматривать за ребенком? Марк взглянул на девочку еще раз. Большие серые глаза смотрели невинно-глуповато, но он уже

повидал немало детей в кресле и знал, что этот ангельский тип – самый худший тип ребенка: никогда не знаешь, что и когда он учудит. Поэтому он быстро сказал:

– Боюсь, что девочке придется ждать одной. Мне надо работать, а потом у меня конференция...

– Не беспокойтесь, она прекрасно посидит и подождет в коридоре. И никуда не денется. Правда?

В тоне мамы явно прозвучал металл. Дитя послушно кивнуло и, освободив ладошку из маминой руки, направилось к диванчику.

– Ну вот. – Молодая женщина робко улыбнулась и добавила: – Я вернусь через час.

Она поспешила к лестнице. Глядя ей в спину, Марк невольно подумал, что, хоть она и произвела впечатление крайне замотанной и уставшей, ножки у нее ничего. И не только ножки...

Бог знает почему эта мамаша вызвала у Марка такое раздражение. Может, потому, что он всегда любил детей и в его несколько патриархальном понимании мама должна сидеть рядом и держать малыша за руку. Особенно в трудную минуту. А ведь для большинства детей визит к зубному врачу – это и есть трудные минуты жизни. Виноваты в этом сами родители, которых в детстве тоже запугивали визитом к стоматологу. Да и сейчас нередко приходится слышать на улице что-нибудь вроде «Не ешь третий чупа-чупс, а то зубы будут плохие и доктор тебе их вырвет». Наверное, должно сме-

ниться несколько поколений людей, привыкших к нормальному медицинскому обслуживанию с самого раннего возраста, тогда они сумеют внушить своим детям, что забота о своем любимом тельце должна опережать заботу об одежде и автомобиле. Старательно выкинув Светлану из головы, он пошел работать дальше.

И ведь как назло... Сегодня нашему дантисту попался исключительный экземпляр – малохолдная девица, страдающая патологическим страхом. Сначала она без умолку говорила, глядя на него остановившимися от ужаса огромными глазами. Беспардонно перебив девушку, Марк попросил-таки ее открыть рот. Она кивнула и продолжала трещать. Понятно. Попробуем по-другому. Надо перехватить инициативу в разговоре.

– Как вас зовут?

– Виктория.

– Какое красивое имя. Поистине королевское. Вы знаете, что Англией долгое время правила королева Виктория?

– Да, мама назвала меня...

– А можно, я вас буду звать просто Вика?

– Да...

Пока она улыбалась в ответ на его самую шикарную улыбку, Марк осторожненько пристроил ее голову на подголовник, успел цапнуть со стола инструменты и поднес их к плотно сжатым губам со словами:

– Ну, королева, давайте аккуратненько посмотрим, что

там у вас...

Не тут-то было. Невозможная девица выдернула голову из-под его рук; не поверите, она скользнула в кресле вниз, юбка при этом поползла само собой вверх, и Марк обалдело уставился на кружевные красные трусики. Миновав совершенно деморализованного врача, вооруженного зеркальцем и зондом, она вернулась-таки в исходное положение, оправила подол и разразилась слезами. Из соседнего бокса выглянула Таня, коллега. Вопросительно вздернула брови. Марк покачал головой. Татьяна оглядела девицу, его, уже взмокшего, хмыкнула и исчезла.

– Катерина, налей девушке успокоительного.

Катя быстренько сунула истеричке пластиковую рюмочку, наполненную редкостной гадостью. Сам Марк пил такое один раз – во время дежурства в детском отделении, – после того, как первый и единственный раз в жизни грохнулся в обморок. Проглотив лекарство, девушка выпучила глаза и даже на секунду перестала рыдать. Воспользовавшись затишьем, он демонстративно положил инструменты в лоток и, мило улыбаясь, спросил:

– Вам лучше? Ну и славненько. Тогда идите. Женский туалет прямо в конце коридора. В таком виде нельзя выйти на улицу – тушь потекла, и вообще, какого черта вы так накрались – ведь шли к стоматологу, а не на Тверскую. Впрочем, дело ваше. Как умоетесь, если хотите, загляните ко мне – я дам вам телефон частной клиники; они там делают об-

щее обезболивание чуть не у входной двери – укольчик сильного действующего препарата, а потом уж, когда вам сделается все равно, проводят необходимые манипуляции. Так что даже удаление должно пройти без особых проблем, а уж пломбу и не заметите, как поставят.

Это был не блеф, его приятель и правда так работает. Что делать, истериков довольно много.

Вика хлопала глазами, цвет которых было затруднительно различить – столько туши свисало с ресниц. Потом подхватила с кресла, но не пошла в туалет, а подскочила к раковине в углу, быстро намылила руки. Катя возмущенно пискнула – пользоваться раковиной в кабинете больным не положено, – но девушка уже терла глаза и пригоршнями плескала холодную воду в лицо. Надо сказать, косметики на ней было не меньше килограмма – вода текла разноцветная. Катерина сунула ей бумажное полотенце, и, когда Вика подняла голову, Марк вытаращил глаза – теперь ей на вид было лет шестнадцать. Когда она вошла, он решил, что ей двадцать пять.

Побоявшись, что заработает нервный срыв, если не узнает правду, он поинтересовался:

– Сколько вам лет?

Вика шмыгнула носом и прошептала:

– Восемнадцать.

Н-да. Марк тупо смотрел на нее. Милое, почти детское личико: голубые глаза, аккуратный нос, чуть припухшие, но хорошего рисунка губы. Цвет волос, модный розово-крас-

ный, первоначально явно был другим, скорее всего русый. Какие странные девушки пошли, однако. Теперь, когда она перестала быть похожа на проститутку в боевой раскраске, стала милой, даже симпатичной девочкой. Вика таращилась на стоматолога в ответ. Потом сжала кулачки и решительным шагом направилась к креслу. Плотнo уселась и тоном команды «пли» бросила:

– Давайте.

«Ох, грехи наши тяжкие, ну почему я не стал инженером?» – в который раз спросил себя же самого Марк. Или кем-нибудь еще – кто имеет дело с железками, а не с нервными барышнями. Он осторожно взял инструменты, готовый к новой вспышке. Но дальше все пошло неплохо. Первичный осмотр выявил три дырки – две паршивые, одну маленькую. Марк все объяснил девушке, сказал, что сделает укол, а до него – побрызгает десну ледокаиновым спреем, чтобы укол был менее неприятным. Обычно врачи берегут спрей для деток, но тут ему не хотелось рисковать. Вика только молча кивнула. Он принялся за работу, комментируя процесс и от себя добавляя какие-то шутки-прибаутки, чтобы ей не было так страшно. Через некоторое время – после укола и первого захода бормашины – девица поняла, что ничего не чувствует, и тело ее несколько расслабилось, а глаза приобрели более осмысленное выражение. Остаток времени она сидела очень хорошо, и единственное, что Марку не нравилось, – пристальный взгляд голубых глаз. Закончив и прочи-

тав обычную нотацию – два часа не есть, может немножко поболеть... – он улыбнулся и, решив, что хорошее поведение надо поощрять, сказал:

– Вика, вы просто молодец. Не думал, что у вас хватит сил взять себя в руки, но вы оказались стойким солдатиком. Все было не так страшно, правда? У вас еще две дырочки. Надуваете, записываетесь и приходите, будем работать дальше. Чтобы зубки были в порядке. Тогда королева Виктория сможет осчастливить своих подданных безупречной улыбкой.

Она кивнула и, пробурчав «спасибо», выпала в коридор. Не успел Марк снять перчатки и вытереть пот – кофе хотелось до визга, – как в кабинет впорхнула тетенька солидной комплекции, увешанная переливающимися в ярком свете многочисленных ламп украшениями. Марк никогда не думал о том, чтобы стать ювелиром – ювелир в семье дядя Лёня, и у него есть сын, – но тем не менее кое-что понимал – гены, должно быть. Так вот, камушки на тетке были настоящие и о-очень солидные. Подбор украшений Марка впечатлил, хотя он сразу не понял почему. Присмотревшись, сообразил. Дама, должно быть, боялась проявить дурной вкус (который смело проявляла в одежде) и брала классику – никакой вычурности, веточек и ненужных завитушек. Четкие, изящные линии оправ подчеркивали чистоту бриллиантов – в серьгах и кулоне. И два изумруда в перстнях. Видимо рассудив, что столь крупногабаритное тело не следует украшать мелкими камнями, дама выбрала крупные. Марк такие видел только

на выставке – ходил как-то с дядей Леней. А сколько это может стоить – даже представить себе не мог.

Завороженный блеском и занятый напряженными подсчетами, молодой человек молчал, Катя решила выставить нахалку лично.

– Дама, – решительно начала она. – Выйдите. Войдете, когда над дверью загорится...

Взглянув на Катерину, как солдат на вошь, дама обратила на стоматолога голубые глазки и решительно сказала:

– Доктор, я вам очень благодарна. Виктория готова прийти еще раз и даже не устраивала истерику. Не поверите, когда она была маленькая, ее приходилось затаскивать в кабинет силой – за руки, за ноги. Но вы просто волшебник.

Твердой рукой дама припечатала к столу конверт.

– Это в качестве благодарности за то, что сумели все так удачно сделать.

– Э-э, – промямлил Марк. – Да? Собственно, Вика сама молодец. Должно быть, она просто повзрослела.

Мамаша усмехнулась:

– Вы четвертый врач за последние два дня. Она почти не спала от боли, и все равно никто не мог заставить ее даже рот открыть. Хотя я и пообещала ей новый мобильник – такой, знаете, со встроенной фотокамерой, обсыпанный камушками и черт знает чем еще...

Марк тупо покивал. Надо же. Дама повернулась к Катерине и протянула руку:

– Счет.

Девушка молча протянула ей листок, но когда мадам поплыла к выходу – Марк не поверил своим глазам, – Катя оказалась впереди и открыла ей дверь!

Потом закрыла поплотней и бросилась к столу. Не решаясь взять конверт в руки, она нетерпеливо переступала с ноги на ногу и тараторила:

– Ну же, Марк Анатольевич, смотрите скорее, сколько там.

Там было триста долларов новыми блестящими зелеными бумажками. Три штучки. Это поверх нехилого счета в кассу – заведение отличается убойными ценами. Он протянул одну бумажку Кате, и та запрыгала по кабинету козой.

– Как здорово! У меня как раз день рождения скоро! Куплю себе сапожки замшевые... Нет, лучше мобильник...

Посмотрев на ее круглое раскрасневшееся личико и сверкающие глаза, добрый Марк протянул ей вторую купюру:

– С наступающим днем рождения!

Катерина взвизгнула, и врачу показалось, что она собирается броситься ему на шею. Марк поспешно сделал шаг назад. Пробормотав что-то, Катя рванула из кабинета. «Надеюсь, у нее хватит мозгов не растрепать товаркам о том, сколько ей обломилось», – устало подумал он. Потом побрел к раковине и умылся холодной водичкой. Что-то притомился. Ох уж эти женщины... Кстати, о женщинах. Как там ангелочек сероглазый?

Марк выглянул в коридор. Девочка сидела в углу дивана, погруженная в какую-то электронную игрушку, которая пищала и стреляла под ее тонкими пальчиками. Честно сказать, молодого человека несколько покорило то, что Светлана оставила дочку одну. Хотя девочка уже в сознательном возрасте, да и не на улице ведь. И народу немало. Обводя взглядом людный холл, Марк невольно вздрогнул: у самой двери на лестницу сидел высокий парень и как-то очень пристально на него смотрел. Потом парень отвел взгляд и стал смотреть на девочку. Черт, а ведь он пришел сразу за ними и с тех пор тут, хотя очередь уже существенно продвинулась. Марку это не понравилось. Парень был похож на киношного громилу: широкие плечи, малоподвижное лицо, плотно сжатые губы. Конечно, нельзя судить по внешности. Может, он добрейшей души человек. Любит животных и переводит старушек через дорогу. Но почему он все время поглядывает на маленькую девочку, а не на те вполне совершеннолетние ноги, которые очень откровенно выставлены прямо напротив него? Не придумав ничего лучшего, Марк подошел к ребенку и (а ведь собирался в ординаторскую кофе пить) сказал:

– Пойдем, я пока посмотрю твои зубы, может, где дырочки есть.

Девочка послушно встала и пошла за ним.

Зубы у нее были в очень приличном состоянии. Дырок не обнаружилось, и молодой человек принялся развлекать девушку беседой, с нетерпением поглядывая через открытую

дверь в соседний кабинет, где Антонина Ивановна никак не могла расстаться с какой-то мамашкой. Мамашке очень хотелось, чтобы у ее пупсика был правильный прикус. Но при этом она не могла заставить свое чадо носить пластинки.

– Э-э, как тебя зовут? – начал Марк.

– Анастасия.

– Да? Какое красивое имя. А в каком ты классе?

– Во втором.

– Да? Как здорово. А тебе нравится учиться?

– Нет.

– Да? Как... Что?

Он уже подошел к двери – парень сидел на том же месте.

– Не нравится мне учиться.

– Да? Почему же?

– Потому что. А почему вы все время говорите «да?».

– Не знаю, привычка, наверное. Э-э... – Похоже тема школы себя исчерпала. – А кем твоя мама работает?

– Юрисконсульт. А почему вы стали зубным врачом?

– Не знаю. Так получилось. А кем ты хочешь стать?

– Я не хочу стать юрисконсульт и не хочу стать зубным врачом.

– Да?

Уф, Антонина Ивановна освободилась.

Марк сдал Анастасию с рук на руки, то есть пересадил в другое кресло, и не мог не глянуть по дороге – парень сидел на прежнем месте! Нет, ну и рожка, вечером увидишь – по-

душку съешь с испуга. Это же надо, дантист был уже просто уверен, что этот тип сидит тут неспроста. Он велел Катерине не закрывать дверь, хотя обычно терпеть не мог, когда кабинет открыт – раздражает безумно. Но сейчас Марк то и дело поглядывал через коридор на светлую макушку в кресле Антонины Ивановны. Через несколько минут девочка встала и направилась к двери. Бросив пациента, он догнал ее:

– Ты куда?

– На рентген. Антонина Ивановна послала в тридцать третий кабинет.

– погоди, я тебя провожу. – «Черт, куда это я – у меня мужик с иглой в канале». – Катя, Катя, подойди сюда!

Катя – сестра и тормоз страшный – подплыла. Она милая девушка, но пока раскачается, Марк иной раз готов был забежать вперед и сделать все самостоятельно (иногда и делал).

– Катенька, проводи девочку на рентген, проследи, чтобы сделали снимок сверхкомплекта, и приведи обратно.

– Но, Марк Анатольевич, а как же...

– Катерина! – Он выдержал грозную паузу. – Ты меня поняла?

– Да. – Губки обиженно надулись. – Хотя она достаточно взрослая...

– Сделай, пожалуйста, как я сказал.

Обиженная Катя взяла у Анастасии карту и поплыла вперед. «Пусть пообижается, ничего, – думал Марк, – я вообще-то добрый, так что она скоро отгадает». Нельзя долго сер-

диться на непосредственного начальника, который только что подарил тебе двести баксов, правда?

Он все еще мучил мужика, когда сестра и Настя вернулись. Антонина Ивановна уткнулась в снимки.

Слава богу, к тому моменту, как она закончила, на пороге кабинета нарисовалась мамаша. Выглядела она несколько менее заморенной и какой-то более спокойной. У Марка даже закралось подозрение, что «деловая встреча» была с парикмахером или косметологом или, может, она просто ходила по магазинам? Короче, эта мысль почему-то взбесила его окончательно, и, когда мамашка с девочкой уже шли к выходу, он преградил им дорогу.

– Марк, – она определенно похорошела и улыбалась просто очень мило (она вообще очень ничего – невысокая стройная блондинка, с серыми, как у дочки, глазами), – я так вам признательна. Надеюсь, скоро Анастасия будет с ровными зубками. Она сказала, что вы смотрели ее, спасибо, это так мило с вашей стороны.

– Не за что. Знаете, Светлана...

– Зовите меня Лана, хорошо?

Молодой человек растерялся. Черт бы побрал этих женщин, как только намечается серьезный разговор, они либо ревут, либо кокетничают.

– Да? Хорошо.

– Он всегда сначала говорит «да?», – откомментировало чадю.

– Знаете, Лана, я бы не стал на вашем месте вот так оставлять девочку одну. Я понимаю, вы, наверное, занятой человек, но можно же няню нанять или папу от работы оторвать.

– А у меня нет папы, – не без гордости заявила девица-красавица, но Марк не дал сбить себя с толку. Подумаешь, у него его тоже не было, и ничего, обошелся.

– В конце концов, людное место – еще не гарантия безопасности, – заявил он.

Говоря это, дантист недвусмысленно смотрел на парня у двери и, кажется, даже голос немного повысил, чтобы ему было слышно.

Брови у Ланы удивленно поползли вверх, а тон заметно утратил приветливость:

– Я благодарю вас за заботу, но боюсь, теперь нам пора. – Она повернулась и пошла к двери. Но Анастасия осталась. Глядя на врача снизу вверх, она спросила:

– А сколько стоит вставить зуб?

– Тебе не надо его вставлять. Он вырастет сам.

– Это не мне, а Ивану.

– Кто такой Иван?

– Это вон тот, у двери, которого вы испугались. Он знает почему не улыбается? У него спереди зуба нет, как у меня. Он говорит, на тренировке выбили, а я думаю – подрался с кем-нибудь...

– Да? – Марк растерялся – Ты его знаешь?

– Конечно. Это телохранитель. Мама оставила его за мной

присматривать. Так что зря вы ее воспитывали.

– Анастасия! – Лана стояла у двери на лестницу. А большой, но теперь уже не страшный Иван маячил за ее спиной.

– Ну же, сколько стоит, быстрее.

– Я так не могу сказать, надо смотреть. Но не меньше ста долларов.

– Настя!

– Ладно, черт, может, в следующий раз. – И, махнув рукой, она побежала к матери.

А Марк стоял, смотрел им вслед и чувствовал себя абсолютным дураком.

До конца дня он был не в своей тарелке. А кто бы был? Катя стала абсолютно невменяема от неожиданно свалившегося богатства и потому малопригодна к работе. У нее все сыпалось из рук и существенно снизилась острота слуха. Видать, все мысли были заняты сапожками, мобильниками и прочим барахлом. Да еще Настин зуб оказался не так прост, как он думал. Антонина Ивановна подошла уже после обеда.

– Марк, я хотела спросить, вы сами подберете им хирурга или пусть записываются, как обычно?

– А что такое?

– Посмотрите снимки. Очень неудачный случай. Зубки в десне стоят под углом и не дают друг другу выйти. К тому же один явно дефектен – изогнутая форма.

Марк посмотрел рентген. Да, он не ортодонт, но тут, похоже, ждать нечего, надо резать.

– Как вы с ними договорились?

– Послала на консультацию к хирургам. Но сами знаете, какая у них запись.

Запись была на три месяца вперед, да еще потом на операцию ждать очереди бог знает сколько. Поэтому он пошел на поклон к Эмме Львовне – заведующей детским хирургическим отделением. Эмма дама суровая, но Марк когда-то был ее студентом, так что договориться смог без особого труда. Правда, пришлось выслушать очередные упреки в отступничестве – ну да кто из нас без греха? Да, когда-то, в пору светлых идеалов юности, он мечтал стать детским хирургом. Дядя Миша качал головой, но не отговаривал. Мечта умерла сама, после первого же дежурства в детском отделении. Он просто не смог, не вынес. Не получилось из Марка героя, то бишь детского хирурга. Ну, да что ж теперь... Все равно он врач, и неплохой – о том свидетельствует обширная клиентура и растущее благосостояние.

Короче, Марк показал снимки, поканючил, получил свою дозу ворчания и назначение к хирургу на следующую среду.

Вечером он раздобыл у тетушки телефон Ланы. Само собой, это оказалось не так чтобы просто. Только мужчина может в ответ на просьбу дать нужный вам номер сказать: записывай. Женщина начинает с допроса с пристрастием:

– Светланочка была у тебя сегодня? Ну что там у девочки?

– Сверхкомплект у девочки. Надо удалять.

– А Антонина Ивановна ее смотрела?

– Конечно, я...

– Это хорошо, я ведь пообещала, что ты посоветуешь им самого лучшего специалиста. Сейчас такие времена, что и за деньги невесть что можно получить. Платная клиника, подумайте! А вдруг он просто купил это место?

– Тетя, мне нужен телефон...

– Так я тебе сейчас его дам! Что ты такой нервный? Ты сегодня ел?

– Ну да...

– Что ты ел?

– Свинину с рисом...

– Марк! Я понимаю, что у тебя нет уважения к традициям твоих предков, да и черт с ними. Но ты должен больше уважать свою печень! Нельзя каждый день есть мясо. Это вредно для сосудов. Вот рыба – совсем другое дело...

И так еще минут десять. Но в конце концов Мюллер отпустил грешную душу Штирлица на покаяние и Марк получил вожделенный телефон. Хотя кому это надо? У него все зубы на месте. Но сегодня он выставил себя таким дураком, что говорить со Светланой не хотелось. Чувствуя неловкость, он все же заставил себя позвонить.

– Лана, это Марк... который стоматолог, добрый вечер.

– Добрый вечер.

– Я поговорил с Антониной Ивановной, посмотрел снимки, случай оказался непростым. Вы попали к хирургам?

– Нет. Нас записали на консультацию через месяц.

– Да? Знаете, я взял на себя смелость переговорить с зав-отделением... Все-таки я чувствую себя ответственным... У нее есть окно в следующую среду, и я вас записал на операцию.

– Правда? Спасибо большое. Я вам очень благодарна, правда... А во сколько?

– В два часа.

– Ох... в два?

Похоже, мамаша опять чем-то занята. Марк разозлился.

– У вас опять деловая встреча?

– Нет-нет, что вы, мы будем обязательно. Наверное, надо приехать пораньше?

– Да. И позвоните завтра в хирургическое отделение, они вам скажут, что нужно. Сколько-то часов до операции не есть и так далее... Кажется, еще нужен анализ крови.

– Я поняла. Спасибо вам большое, Марк. С меня причитается.

– Обязательно. Вот зуб покажется, тогда и обмоем.

На этой милой ноте они и простились.

Глава 4

Через пару дней, к великому изумлению Марка, у кабинета опять нарисовалась Вика. Честно сказать, он ее сразу не узнал. Так, отметил, что девочка вроде знакомая, должно быть, уже бывала на приеме. И только когда она вошла в кабинет и сказала:

– Здравствуйте, Марк Анатольевич, – он понял, кто это.

Надо сказать, что девушка изменилась разительно. Имидж расписной оторвы был отвергнут, и перед растерявшимся дантистом предстал непорочный ангел. Минимум косметики: коричневая тушь, зрительно увеличившая и без того большие голубые глаза, перламутровая помада и нежный запах духов. В прошлый раз и от девицы и от мамыши разило Коко Шанель так, что у Марка чуть не началась астма. Костюмчик тоже явно был из другой оперы: нежного оттенка голубое шелковое платьице, абсолютно прозрачное, но целомудренно надетое на другое платьице, или это комбинация? Или комбинации сейчас не носят? Ну, в общем, молодому человеку понравилось. Стройные смуглые ножки вполне устойчиво стояли на невероятных каблуках серебряных туфель. Слегка не по погоде, но ведь она наверняка не пешком. Волосы сохранили свой цвет, но, черт знает как, он не был больше столь диким. Справа волосы падали на лицо и шею свободно, слева их сдерживал ряд из пяти серебряных

заколок с блестящими камушками. Марк не без страха при-
смотрелся – но это явно были не бриллианты. Скорее всего,
хорошо граненный хрусталь.

Перемены, произошедшие в Виктории, поразили бы и
профессора Хиггинса, а уж что говорить о бедном дантисте.
Он выдохнул, не скрывая изумления:

– Боже, детка, да ты здорово изменилась! И теперь просто
красавица!

На личике Виктории расцвела улыбка. Она спокойно села
в кресло, вытянула потрясающие ноги с нежными коленками
и выжидательно уставилась на врача. Марк не оправдал ее
романтических надежд и быстренько протянул к ней ручон-
ки с инструментами. Увидев зонд и зеркальце, девица опять
напряглась.

– Ну-ну, – укоризненно сказал доктор. – Что такое? Мы
ведь в прошлый раз чудесно поладили. Ты очень храбрая де-
вочка, а я очень неплохой врач. Сейчас мы опять побрызга-
ем, потом уколем – и дальше можешь мирно спать...

Он говорил и говорил; так успокаивают детей и испуган-
ных животных. И постепенно Вика расслабилась. Марк про-
чел ей лекцию о том, как надо правильно чистить зубы, и по-
обещал, когда она придет в следующий раз, устроить прак-
тическое занятие.

– Ты поняла? Принеси с собой щетку и пасту. Хотя можно
купить и здесь, внизу аптека.

Девочка кивнула, попрощалась и, забрав счет, удалилась.

Честно говоря, Марк Анатольевич с Катей не сговариваясь устоялись на дверь. Но монументальная мамаша не появилась. Доктор вздохнул с облегчением, Катя – разочарованно.

Через день, закончив труды праведные, Марк намылился было домой. Вообще, он всегда считал себя гармоничной личностью, потому что жил в мире с самим собой и с окружающими (как правило). В частности, он любит ходить на работу, но и возвращаться домой тоже здорово. Дома у него никакого зверья не водилось – боже упаси. Молодой человек всегда хотел иметь возможность в любой момент сорваться на недельку куда-нибудь – в Рим или в Подольск, как сложится. Квартира без претензий – двушка, но вполне удобная. Честно сказать, в свое время Марк пал жертвой американской мечты: иногда ему жутко хочется занять загородный дом. С лужайкой и большой светлой террасой. Но такой дом нельзя строить в одиночку. А на лужайке должны валяться игрушки и велосипед... Поэтому пока Марк живет в своей берлоге, а дом иногда рисует... Каждый раз немного другой, но общий вид уже вполне определился.

Сегодня на ужин предполагались пельмени и салат. Пельмени уже в холодильнике, а салат он решил купить в супермаркете по дороге...

Таня выглянула из своего бокса:

– Уходишь?

– Да. Тебя подвезти?

– Нет, благоверный обещал заехать, но застрял в пробке. Теперь ждать его...

– Идете куда-нибудь?

– Не то слово: его начальник отмечает юбилей. Снял зал в каком-то ресторанчике – тут неподалеку.

– Да? – Марк задумчиво смотрел на нее. Под халатом у Танюши – он прекрасно это помнил, потому что видел ее с утра до начала работы, – так вот, под халатом у нее не было ничего праздничного. Какой-то костюмчик неопределенный...

– Ты чего? – Коллегу явно смутил его взгляд.

– А где парад?

– Понимаешь... – К его удивлению, Таня покраснела. – Я взяла с собой платье, но... еще ни разу его не надевала и как-то глупо себя чувствую. В конце концов, не обязательно быть в чем-то навороченном. Всегда можно отговориться тем, что я с работы...

– Тем, что ты с работы, будешь оправдывать отсутствие маникюра, – сурово сказал наш дантист. – Иди переодевайся.

– Да ну, Марк...

– Давай, давай. Я посмотрю и скажу, идет или нет.

– Ну ладно. – И она нырнула к себе.

Он присел к столу и решил пока кое-что дописать в карту... Но не тут-то было: зазвонил мобильник. Марк смотрел на маленький серебристый телефон – сам себе подарил на день рождения последнюю модель. Функций в нем – полно.

Еще чуть-чуть, и он будет кофе по утрам варить. И всегда он хозяину нравился. Но сейчас Марк слушал звонок и почему-то был уверен, что это звонит какая-нибудь головная боль.

Вздохнув, он поднес телефон к уху:

– Да. – Голос его был сух, как песок в пустыне.

– Марк, здравствуй, милый, это Лиля.

– Здравствуй.

– Мне нужно с тобой поговорить. Ты ведь уже закончил работу?

– Да, но, видишь ли...

– Ну и чудесно. Я тут совсем недалеко и минут через пятнадцать буду у главного входа. Целую, милый.

И она отсоединилась. Марк лихорадочно тыкал пальцем в кнопки, пытаясь определить номер девушки и как-то отодвинуть неизбежное. Но все напрасно – «номер скрыт» высветилось на экранчике. Ох, что она, интересно, хочет? Ну, не то чтобы ему и вправду было интересно, но уж лучше знать, что может свалиться на его бедную голову.

– Ну как?

От неожиданности Марк подпрыгнул на стуле.

Про Татьяну-то он и забыл!

Она стояла в дверях бокса и нервно перебирала пальцами цепочку вечерней сумочки. Марк Анатольевич вздохнул: «Если бы она не любила так своего мужа, я бы...» Все-таки платье очень много значит: милая, но ничем особо не при-

мечательная коллега превратилась в русскую красавицу. То, что в повседневной одежде казалось полнотой, в вечернем туалете обернулось статью. Серо-зеленое, тускло блестящее платье чуть ниже колена выигрышно подчеркнуло высокую грудь. Открытые плечи сияли молочной белизной. Само собой, она стыдливо прикрыла их серебристым палантином.

Светлые волосы Таня закрутила сзади, оставив открытой красивую шею.

– Жаль, что у тебя нет бриллиантов, – пробормотал Марк.

– Что?

– Сюда бы длинные серьги... платиновые, с бриллиантами.

– Марк, что ты несешь, какие бриллианты? Как тебе платье?

Он вздохнул, сделал шаг вперед и спустил палантин с ее плеч:

– Вот так лучше. – Потом честно сказал: – Здорово. Не вздумай снять платье и явиться в ресторан в том костюме. Небось твой муж и забыл, какая ты красивая. Не лишай мужика радости. Знаешь, когда приходишь в ресторан с женщиной, на которую смотрят... Это глупо, но где-то в нас живет инстинкт собственников. И твой будет горд и счастлив, что ведет под руку такую красавицу.

Щеки Танечки полыхали румянцем, но она улыбнулась и решительно кивнула:

– Решено! Иду в платье!

Тут у нее затрезвонил мобильник: муж наконец прорвался через все пробки. Танюша похватила сумки и, сделав ручкой, убежала. Да, ее ждет праздник. «А вот что ждет меня?» – озабоченно вздохнул доктор. Он не спеша собрал вещички и пополз к выходу. А может, уехать? Просто сесть в машину и отчалить. А когда возмущенная девушка Лиля позвонит, объяснить, что у него дела и не надо впредь так резко вешать трубку. Соблазн был велик. Но неприлично так обращаться с дамой. К тому же... К тому же Марк уже некоторое время ни с кем не встречался и организм его настойчиво требовал вернуться к активной сексуальной жизни. Если Лиля не сильно изменилась, то не позже чем через час они окажутся в постели. Или на ковре. Или на заднем сиденье машины. Но все это не так плохо по сравнению с теми местами, что выбирала Алиса, и для скромного стоматолога вполне приемлемо. Марк приободрился и решил потратить время ожидания на протирание стекол своего «форда». Будем надеяться, он отвезет хозяина навстречу бурному и занимательному вечеру. Достал замшу и принялся наводить красоту. И тут сзади раздался звонкий голосок:

– Здравствуйте, Марк Анатольевич.

Обернувшись, он очутился нос к носу с Викторией. Широко распахнутые голубые глаза смотрели приветливо, тонкие пальчики сжимали небольшой кожаный портфельчик, изящная фигурка затянута в серо-стальное платье-футляр. Ножки у девочки все-таки удивительно красивые.

– Привет, – отозвался доктор. – Что ты здесь делаешь?

– Я... я с занятий ехала и тут была... недалеко. И смотрю – вы. – Она улыбалась ему как лучшему другу, честное слово.

Марк почувствовал удовлетворение – все-таки он молодец. Грамотно проведенное лечение дало прекрасные результаты – запуганный ребенок превращается в нормального пациента.

– Да, я как раз закончил работу.

– Правда? Вы сейчас домой?

– Ну... – Он замялся.

– А вы не могли бы меня подвезти?

Прежде чем Марк успел открыть рот, сзади раздался другой голос:

– Нет, детка, тебе придется еще немного подрасти. На сегодня этот мужчина мой.

Лиля была неотразима: хрипловатый, низкий голос, черные джинсы со шнуровкой, вишневый пуловер, приспущенный с одного плеча. Платиновые волосы небрежно – ах, как недешево стоит эта небрежность – разлетаются по плечам. Она была очень загорелой и невозможно сексуальной. Марк просто глаз не мог отвести от ее ярко накрашенного рта. Потом сообразил, что пауза несколько затянулась, и промямлил:

– Ты извини, Виктория, мы с моей... э-э... подругой договорились заранее, так что как-нибудь в другой раз.

Он распахнул дверцу перед торжествующе усмехнувшейся-

ся Лилей, потом нырнул за руль, и машина тронулась. Краем глаза он заметил, что девочка осталась стоять на тротуаре, глядя им вслед. Должно быть, думает, что, когда вырастет, станет такой же красивой стервой. Марк вздохнул. Очень может быть.

– Что, дружок, уже на малолеток перешел? – язвительно поинтересовалась Лиля.

Ответ дантиста был пространен, не вполне цензурен и ясно отражал намерения в отношении самой Лили. Как он и ожидал, она не имела ничего против, и они двинулись к дому Марка.

Через пару часов он ощутил некоторое удовлетворение и зверский голод. На такой случай у предусмотрительного молодого человека имеется телефон «Пицца на дом». Обычно ребята из службы доставки не возражают прикупить по дороге пакет сока и сигарет для дамы. Лилия спросила, почему бы не пойти в ресторан и не поесть по-человечески. Марк ответил честно: если она выйдет в город, то до утра будет шляться по разным кафешкам и танцулькам и потрахаться они больше не смогут. А он соскучился и после еды рассчитывает на продолжение.

Она рассмеялась и сказала:

– Ты поросенок, – приподнялась на локте, некоторое время рассматривала лежащего рядом мужчину, словно видела впервые, а потом спросила: – Скажи, все евреи такие?

– Нет, попадаются зеленые в красный горошек.

– Я серьезно.

– Что значит – такие?

– Ну... неутомимые.

– Ты мне льстишь.

– Не жадные... Не глупые.

Марк насторожился.

– Не бедные.

Ему вдруг стало ужасно смешно. Глядя, как он заливается хохотом, Лиля вздернула брови и обиженно спросила, что смешного доктор нашел в ее словах.

– Знаешь, я первый раз слышу столько комплиментов от женщины... но они все почему-то с частицей «не». Странно, да?

Она хмыкнула:

– Да, глупо получилось. Извини.

– Да ладно. Все-таки это были комплименты.

Она встала, накинула его рубашку на голое тело и пошла на балкон курить. Оттуда донесся ее низкий голос:

– Я должна решить, выходить ли мне замуж, понимаешь?

– Нет, – честно ответил Марк. – А я-то тут при чем?

– Он бизнесмен. И у него гражданство Израиля. Он даже внешне на тебя немного похож, только покрупнее. Ну... Я хотела с тобой встретиться и... чтобы вспомнить, какой ты. И вспомнила – ты мне нравишься.

– Но замуж ты собралась за него, – не мог не уколоть Марк. (Не то чтобы он собирался на Лиле жениться.)

– Да. Не обижайся, но он очень богат. Только все же не такой веселый, как ты. И он несколько старше. И я хотела спросить... Как это – быть женой иудея?

– Это, милая, не ко мне. Что касается физиологических особенностей, то ты полностью в курсе, и если он тоже обрезанный, то вряд ли тебя что-нибудь удивит, а больше ничем помочь не могу.

– Ну перестань! Ты же прекрасно понимаешь, что я хочу спросить. Мне надо знать, что принято там, а что нет. Может, есть какие-то традиции и обычаи, которые надо иметь в виду, чтобы не выглядеть глупо. И надо ли мне менять гражданство или лучше оставить российское? И как насчет брачного контракта? У вас его заключают? И...

– Лилечка, радость моя, не сердись, но ты мелешь чепуху! Ты пойми, я никогда не был в Израиле. Смешно, да? Там живет моя мать, но сам я не испытываю ни малейшего желания побывать на Земле обетованной. Может, время еще не пришло – кто знает. Все мои представления о традициях сводятся к посещениям синагоги в юности и рассказам тети Раи, которые вряд ли актуальны сегодня. Родственники, у которых я бываю в гостях, ничем национальным особо не увлекаются. Так, обычные московские семьи. Ну, селедка под шубой и прочие глупости. И потому я могу дать тебе единственный совет: собери все свои вопросы и отнеси их к адвокату. И тогда ты узнаешь про контракт из уст профессионала. Лично я, если соберусь жениться, никакой контракт

заключать не буду.

– Это потому, что тебе нечего терять, – резко сказала она.

– Все относительно.

В дверь позвонили. Прибыла пицца. Они разложили еду на журнальном столике в гостиной, сели на диван и ели впремежку с детективом по телевизору и препирательствами. В конце концов она признала, что мысль насчет юриста не так уж плоха. К тому же Марк обещал найти ей такого, который разбирается во всех здешних и тамошних тонкостях. (Надеюсь, Алан кого-нибудь посоветует.) Через некоторое время они еще покувыркались, потом уставшего за долгий трудовой день дантиста начало клонить в сон, а женщиной овладело то беспокойство, которое Марк так хорошо помнил. Она ходила по квартире, совершенно бодрая, явно не нуждаясь в отдыхе. Бесцельно переставляла книги и вещи, причесывалась, смотрела в окно, курила. Он знал, что сейчас последует, поэтому твердо сказал:

– У меня был трудный день, и я никуда не поеду. Если хочешь, вызову тебе такси.

– Ты стареешь, – едко заметила девушка.

– Может, и так. А может, у меня просто нормальные биологические часы. А вот твои явно со сдвигом.

Она пожала плечами и стала одеваться. Марк взял трубку и вызвал машину. Потом заставил себя натянуть джинсы, набросил ветровку, дождался, пока она соберется и поправит макияж, и проводил ее вниз. Посадил в такси, дал водителю

деньги и, счастливый, что так легко отделался, пошел спать.

Глава 5

Через пару дней Марк начал задумываться: а не взять ли отпуск? Кажется, он переутомился. Началось все с утра. Молодой человек пришел на работу вовремя; в коридорчике в креслах, как всегда, толпилось некоторое количество народу. Он отметил трех девиц. Они напоминали Викторию в первый день знакомства. Слишком вызывающая, хотя, несомненно, дорогая одежда, перебор косметики. Девушки уставились на доктора во все глаза и начали перешептываться и хихикать. Марк Анатольевич вошел в кабинет и, честно сказать, торопливо проверил, все ли у него в порядке с костюмом. Поймите правильно – он знал, что не урод, но никогда не пользовался бешеным успехом у подобного рода женщин. Опасения оказались напрасными: носки и ботинки одинаковые, брюки застегнуты, рубашка вполне стандартная. Глянул в зеркало – лицо на месте. Ну да ладно. Влетела Катя и с порога, не потрудившись закрыть дверь, заверещала:

– Марк Анатольевич, смотрите скорей!

Она распахнула халат. Под ним обнаружилась сильно обтягивающая Катину пышную грудь маечка цвета закатного неба (буквально так – она переливалась от оранжевого у декольте до синего в районе пупка) и коротенькая кожаная юбочка.

– Ну? – спросила Катерина.

– Стильно... – отозвался доктор, не зная, что еще сказать. И тут увидел лицо мужика, сидящего напротив двери кабинета. Глаза его буквально вылезли из орбит, он вытянул шею, силясь понять по широкой Катиной спине, что же видит счастливчик с другой стороны.

Марк быстро подскочил к двери и захлопнул ее перед носом у одной из раскрашенных девиц.

Потом, честно признаться, долго и нудно воспитывал медсестру. Но ей все как с гуся вода. Весна, что ли, ударила в голову. Катя, перебивая начальника, все пыталась рассказать, как она мучилась сомнениями, куда деть столь неожиданно свалившиеся на нее двести баксов. Потом поехала на Петровско-Разумовский, но там такой отстой... потом на Савеловский, но там такие цены... а потом подружка сказала, что на Манежной распродажа, и вы представляете – это самый настоящий бутик, не фуфло какое-нибудь, и у них там такие скидки, а эту юбку еще и уценили, потому что у нее застежка сломалась. А что застежка – Нинка за пятнадцать минут сделала и денег не взяла, попросила только дать надеть пару раз...

– Катерина! – рявкнул Марк, чувствуя, что голова кружится от ее высокого голоса и массы ненужных сведений.

В конце концов ему удалось несколько привести медсестру в чувство и работа началась. Естественно, все три девицы оказались записанными именно к нему. Все три по очереди усаживались в кресло и смотрели на врача широко открыты-

ми глазами так, словно он то ли маньяк, то ли Антонио Бандерас. Марк разозлился и третью выгнал. Сказал, что делать ничего не будет, пока она не почистит зубы. В общем, доктор имел на это право – налет там был чуть ли не в палец толщиной. К его крайнему изумлению, она залилась краской, сползла с кресла и беспрекословно отправилась в кабинет профилактики учиться чистить зубы. Так что Марку так и пришлось ставить ей пломбу. В обед позвонили из редакции, и жизнерадостная девушка-секретарь бодро сообщила, что статья Марка пойдет не в следующем номере, как должна была, а в июльском, потому что получено интервью замминистра здравоохранения...

Марк разозлился еще раз. Все это было по-житейски понятно, но оттого не становилось менее противным. Сотрудники редакции, получавшие небольшую зарплату, практиковали такой милый способ шантажа. Хочешь, чтобы твоя статья вышла вовремя или вообще вышла, иди в редакцию и неси подарок. Все равно что – деньги, талон на бесплатное обслуживание, косметику. Брали все. Но если кто-то другой давал больше, то его статья шла раньше. Сначала наш дантист хотел плюнуть на это дело, но потом вспомнил, что в июле будет конференция, он там участвует и в его докладе имеются ссылки на эту самую статью, а потому хорошо бы она появилась до... Самым сладким голосом он попросил девушку не менять планов и заверил, что сегодня же приедет, чтобы уладить это недоразумение. Вообще-то у Марка такие

проблемы возникали редко – обычно он, чтобы не доводить дело до обострения, просто приезжал в редакцию два раза в год – перед Восьмым марта и Новым годом – и привозил цветы или шампанское, наборы косметики или бокалов. Затем после выхода статьи следовало послать редактору букет и флакон духов или бутылку дорогого вина – и все в норме. Но в этот раз, занятый собственными переживаниями и доведенный хитрозадой девушкой из Ярославля до полубезумного состояния, Марк напрочь забыл поздравить дам из редакции с Восьмым марта. И вот последовала расплата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.